

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Емшан

Неумелые МОЛИТВЫ

Елена Емшан
Неумелые молитвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66050531

SelfPub; 2021

Аннотация

"Если что важное и было потеряно, и эта потеря казалась нам смертью, то все равно она оставила нас живыми, пусть даже с дырой в сердце размером в двадцать лет или в двадцать три года".

Содержит нецензурную брань.

Елена Емшан

Неумелые молитвы

Слишком много у них претензий к Господу Богу,
А молитвы их неумелы, косноязычны и возносятся
Только в минуты испытаний,
Поэтому вопросы их часто
Остаются без ответов.

(вместо эпитафии)

Совпадения имен и фамилий случайны.
Истории взяты из дурной фантазии автора.

Объяснительная записка

О, заведующий наш всеведущий!

Со мной произошел несчастный случай на производстве. Я не знаю, был ли это груз, упавший сверху, или баллон, рванувший у меня под ногами, но я теперь одна сплошная сочтанная травма. Странное дело: мне совсем не больно, из этого я делаю вывод, что меня тут чем-то обкололи. Я уже могу шевелить руками и ногами, хлопаю глазами, даже издаю звуки и могу добрести до магазина. Но тонкие настройки, внесенные департаментом по работе с персоналом при приеме меня на работу в нашу лабораторию, как мне кажется, были

мною утрачены. Моя работа человеком сделала меня настоящим человеческим наркоманом. Думаю, что причиной травмы и стала возникшая в процессе работы сильнейшая зависимость. Помогите же мне победить ее или же дайте столько человеческого вещества, чтобы я и дальше мог работать на нашем производстве.

Я прошу Вас не увольнять меня, не списывать меня за ненадобностью. Я понимаю, что сейчас все специалисты брошены в чумные госпитали, но очень надеюсь, что Вы найдете возможность и направите ко мне кого-нибудь, кто сможет перепрошить мою систему, восстановить восприимчивость ко всему тонкому и неосозанному типу любви и радости и заново отрисует шкалу настройки. Надеюсь на Вашу снисходительность.

С уважением и надеждой, (нужное имя вписать).

Павел Травничек

– Ой, мужчина, простите! Мы уже пять минут стоим на остановке, не могу не сказать вам. Вы... вы такой, как... как Павел Травничек, очень похожи.

– Простите, а кто это?

– Он сыграл принца в «Трех орешках для Золушки». Помните кино такое? Ну, в детстве должны были видеть.

– И я, стало быть, на него похож?

– Ну да.

– А вы, стало быть, тогда Золушка?

– Ну да. Ну, то есть, в смысле много работаю и плохо выгляжу.

– Ага. И вы сейчас рванете, а мне вас догонять?

– Нее. Если я сейчас рвану, то от меня только туфли и останутся. Рассыплюсь прямо на старте. Карета «скорой» приедет, погрузит на носилки, туфли, конечно, забудут. Хоть они и не хрустальные, но размер самый ходовой, кто-нибудь точно подрежет.

– Тогда какие у вас планы? Потанцевать? Выйти замуж за принца?

– Упаси Бог. Если я выйду замуж за принца, мне придется еще больше работать и еще хуже выглядеть.

– Откуда вы знаете?

– Да так, знаю. От предыдущего принца мне осталась пара наследников и небольшое королевство – разгуляться хоть и негде, но забот хватает.

– Тогда зачем вы мне все это говорите?

– Да так. Весна. Поговорить захотелось. Романтика какая-то дурацкая в голову лезет. Сказки эти замшелые.

Тайное убежище

До недавнего времени, точнее, до начала какого-то там года, я считала, что человек человеку – друг, товарищ и брат, а также супруг и отец общих детей. Что, в случае чего, до счастливой старости и смерти в один день можно допилить на уважении и привычке. Ну, если другое топливо вдруг за-

кончилось.

Теперь, когда не осталось ни друга, ни брата, ни товарища, ни супруга, а только отец общих детей, я думаю о людях как-то совсем по-другому. Несмотря ни на что, думаю хорошо.

Например, о том, что человек человеку – это радость, утешение и тайное убежище.

Настолько тайное, что можно приходить к нему, как заброшенному колодцу в глухой деревне, говорить в него свое «бубубу», закрывать крышкой, зная, что «бубубу» если и вырвется, то только к звездам.

Настолько убежище, что можно приползти и спрятаться, переждать бурю, ядерный взрыв, цунами-хренами, чувствовать там себя так, как чувствовал еще в перинатальном периоде.

Настолько утешение, что можно приходить к нему, как к своему тотемному дереву, обнимать его в надежде, что и оно дотянется и обнимет своими ветками, и говорить: «Дай мне силы, я просто рядом постою». И что с веток сейчас потечет самое правильное, самое экологичное, отборное и сколько хочешь, человеческое электричество.

Настолько радость, что даже редкий разговор был бы с ним великим праздником. И даже можно ничего и не говорить, пусть он сам говорит свое «бубубу» или «дай мне силы, я просто рядом посижу». Я ведь тоже могу быть глухим колодцем, тотемным деревом и тайным убежищем, я умею.

Посему мое новогоднее желание – найти свое тайное убе-

жище, приползать к нему червем в горе и пьяной от радости, приползать развалиной – уходить человеком, уносить на рукаве листик, на губах свежесть, в сердце нежность. Приносить ему в сердце нежность, на губах свежесть, на рукаве листик.

Форрест, иди

С некоторых пор Света выволакивала себя из дома, как какую-нибудь собачонку.

Недавно ее соседи завели себе мопса. Назвали его Марселем, наряжают в забавные комбинезончики. При встрече Марсель бурно приветствовал Свету, а она его. Он ставил ей на колени свои лапки в смешных ботиночках, в шутку прикусывал пальцы, всячески выражал радость. Только он – жизнерадостный щенок, которому положено веселиться и играть, а Света считала себя старой, побитой собакой, которая виляет хвостом только для вида. Мне рад хотя бы соседский мопс, уже неплохо, думала Света.

Чтобы гарантированно вытаскивать себя за шкуру из дома, Света тоже купила себе веселенький собачий комбинезончик. Лыжный костюм. У него желтая куртка – Света выбрала такую специально, чтобы выглядеть более жизнерадостной, мимикрировать под благополучие. «Так я хоть немного похожа на синицу, – думала Света. – Если увидите грустную тетку в желтой куртке, которая с суровым видом куда-то марширует, присоединяйтесь. Потому что метод

Форреста Гампа – бежать до океана – работает».

Только Света шла, а не бежала. Она ощущала себя такой ветхой, что просто боялась рассыпаться. Света выбирала дальние маршруты и специально не брала с собой денег на проезд, чтобы идти как можно дальше, а потом обратно, и чтобы на все это хватило сил, и чтобы не было соблазна вернуться на автобусе. Так Света проверяла: сколько их, этих сил, вообще осталось, они вычерпаны без остатка или их еще подливают внутривенно, внутридушевно, внутрисердечно – Света не знала, как именно, не разбиралась в тонкостях работы небесной техподдержки обесточенных пользователей.

Света выхаживала из себя всю ту хрень, которая произошла с ней в этом году. Под курткой и штанами – термобелье. Света одевалась основательно, как в поход. Когда термик под курткой намокал, Света представляла, что весь тот яд, который отравляет ей жизнь и делает ее собачьей, выходит через поры. «Еще бы мысли из головы выходили», – думала Света и не знала, как их оттуда вывести. Они крутились там, как заезженные пластинки, и даже ходьба не помогала. Света надеялась, что мысли можно выплакать, но со слезами и соплями они не уходили. Слезы Света себе запретила, от них ржа и ветхость, всегда красные глаза, которые выдают тебя как плаксивую дуру. Мысли не запретишь.

Нет, этого не было. Нет, тебе показалось, думала Света. Нет, этот человек не для тебя. Нужно научиться жить одной. Смирись, это навсегда. Поменьше о плоти, побольше о рабо-

те. Завтра возьмешь еще пару работ. Ее не исправишь, себя не исправишь, его не исправишь. Это твое испытание. Бог не посылает трудностей не по силам. Ты справляшка, ты неваляшка. Ты противотанковый ёж, если в покое, ты танк, если в движении. Ты бегун по пустыне Мохаве. Что поделатъ, так вы сейчас грани твоей самоидентификации. Если ты будешь говорить себе: ты фея, ты ромашка, ты фиалка, то что? Ничего. То-то же. Ты уже поняла, что не умрешь с голоду, теперь бы понять, как не умереть от тоски. Колени как? Норм? Давай еще пару кварталов. Давай, шевелись.

И Света шевелилась.

Каждый раз, когда Света выходила из дома, ноги поначалу как будто бы не хотели идти, но все-таки включались после третьей-четвертой остановки. Света вообще не надеялась на свою прочность и боялась, что ноги подведут ее где-нибудь, и она подломится и упадет, поэтому всегда ходила вдоль маршрутов общественного транспорта, там хотя бы люди, скамейки на остановках.

Света могла бы идти хоть до Тихого океана, как Форрест, но ей нужно было каждый раз возвращаться домой, чтобы приготовить ужин, проверить уроки, сказать что-нибудь приятное и духоподъемное перед сном двум любимым детским макушкам. Одна из них то и дело говорила ей: «Уйди, не целуй, не трогай меня, я тебя ненавижу, это все из-за тебя». Света пыталась все исправить, но не исправлялось.

Да, все в твоей жизни из-за меня, думала Света, это же я

тебя родила.

Да, в этом году много чего произошло. И, конечно, из-за Светы, кто же еще виноват в ее бедах. Света много рассказывала о своей жизни всем друзьям и знакомым, кого встречала, ей и самой было уже противно от этого. Кажется, это называется «обида, высказанная не по адресу». Света просто не знала, кому бы еще такому рассказать, чтобы тот воскликнул: «Точно! Я знаю, что тебе нужно делать!» Богу? Он и так все знает, думала Света. Может быть, даже и помогает. Работой, которую Света искала и получала. Человеком, который воодушевлял ее на короткое время. Днем затишья, нормальной жизни, когда никто никого не ненавидел.

Много всего произошло в этой Светиной жизни. Была в ней долина радости, наступила долина ненависти. Ее младшая дочь была полна крика, агрессии и злости, а ей всего было семь. Во взрослых людях Света не встречала еще такой концентрации ярости, как в ней. Это Свету очень пугало, расстраивало и обессиливало. Свете было страшно представить, что будет, когда дочери исполнится тринадцать и наступит самый махровый подростковый возраст. Света боялась, что все его возможные «махры» будут помножены на дочкин весьма сложный характер. Один знакомый доктор, детский психиатр, к которому Света обратилась с этой проблемой, сказал: «Сядешь либо ты, либо она. Либо все рассосется, и не будет ничего такого. Либо не рассосется».

Тьфу-тьфу-тьфу, Света сплевывала через плечо и крести-

лась. Света знала одну женщину, у которой была дочь гораздо старше Светиной и с теми же проблемами. Эта женщина была словно грустный привет из Светинового будущего. Угасшее лицо, потухшие глаза, безвольные руки, поездки к дочери по ночам через весь город, чтобы разобраться с какими-то ее проблемами.

Если был шанс изменить будущее, то Света хотела за него побороться: найти причину ярости и избавиться от нее. Света боялась, что, когда дочери исполнится 18 лет, то Света откроет дверь и скажет ей: «Я не могу так больше. Ты свободна, уходи». Дочь Светы угнетала жизнь по правилам. Хотя какие там были правила: надеть теплые носки, когда мороз, сделать задание в прописях, пойти в школу. Света говорила, что эти правила, особенно школьные, не Светой придуманы, какие могут быть к ней-то претензии? Ну, правда, в минус 20 без теплых носков в Сибири жизнь чуть сложнее, чем с ними.

Уже целый год Света жила с мужем, как чужие люди. Света считала, что они не вынесли испытания вторым декретом. Что они ступили на землю второй долины и не прошли ее. Муж все время говорил: «Я не могу, я ничего не могу». Света говорила: «Зато я все могу». Она и вправду все могла, но становилась более жесткой, резкой и нелюдистой. Света думала, что вот здесь проходит ее фронт, и она бьется за их маленькое благополучие. И что он увидит, как она сражается, ему станет Свету жалко, и он встанет рядом.

Они с мужем жили в одной квартире и даже спали в одной кровати, но более чужих людей трудно было и представить на этой планете. Света не могла и вообразить, что так бывает и что так будет у нее: семнадцать лет прожить вместе, родить двоих детей, а потом в выходной вечером идти куда глаза глядят, потому что ее территория была оккупирована чужим человеком. Он лежал по выходным на диване, смотрел одновременно в телефон и в телевизор, а Света тоскливо думала: «Какого черта?» Выходные – самое паршивое время. Еще Света невовремя, безответно и бесперспективно влюбилась, поэтому пришлось уходить из дома, чтобы погасить этот некстати вспыхнувший костер, вытряхнуть пепел, подуть на обожженное место, и спрашивать: «Зачем это было? Сейчас это вообще к чему? Чтобы что?» Чтобы ты встрепенулась, дура, увидела, какие бывают люди, что они вообще есть. Только и всего? А тебе мало, да?

Поэтому, намыв кастрюли, нагладив футболки, надравив раковины и унитаза, Света уходила из дома. Она старалась не идти и даже не думать в сторону нового моста, откуда любят прыгать все городские суицидники. Света была как-то в речпорту в начале ноября, тоскливое место, все серое – волны, лысые кусты по берегам, небо, бетон и асфальт. Хорошо, что она не живет здесь, а еще элитный район.

Да Света и не дошла бы до него. Чтобы Свете дойти со своих Мастеров до парка или ТЦ и обратно, уходил примерно час. До речпорта Света бы телепалась часа три, а обратно

дойти бы уже точно не смогла. Да и река замерзла, чего туда ходить. Впрочем, зимой всегда можно сесть ночью под опору, морозы-то у них любо-дорого, не подведут.

Но Света всегда идет в другую сторону, потому что нужно вернуться домой, оплатить услуги репетиторов, выдать таблетки, собрать рюкзаки в школу.

Иди, Форрест, иди. Ты собрал кучу последователей, пока бегал от побережья до побережья. А Свете много-то и не надо, всего лишь одного человека, который скажет: «Иди домой, где ты ходишь». Но телефон в кармане не тренькал, сколько бы Света ни ходила – никто не хватился, не взволновался, не побежал на поиски, не вышел навстречу.

Иди уже.

Мои желания сбылись

Однажды я вдруг поняла, что все мои желания, оказываются, давно уже сбылись.

Как это произошло? Ну, вот как-то так. Не в один день, конечно. Не – бац! – сегодня твой день, исполняем всё, что там у тебя первое по списку. Фейерверк, блёстки, дудки, ву-аля! Нет.

Дело было так. Как будто что-то останавливало, хватало за рукав: «Постой-ка. А помнишь вот это? Сбылось. А вот это? Well done. А вот еще поройся в недрах памяти... нашла? Сбылось на прошлой неделе».

Конечно, помню. Сто лет прошло, я уже и думать забыла,

и перехотела, и нового понажелала. А оно вот – тыдыщ! – уже есть.

Вы серьёзно? А как насчёт «дорога ложка к обеду»? Если я в детстве хотела двухкассетный магнитофон, на шиша он мне сейчас, спустя 30 лет, когда и молодость прошла, чтобы музыку просто так слушать, и век цифровой техники давно наступил?

Отвечают: ну, извини. Ты вообще знаешь, какие тут очереди из таких вот желальщиков?

Ну, в курсе, да. А вы вообще в курсе, что вы сбываете желания весьма своеобразно?

Тебя что-то не устраивает?

Ну, смотрите. Вот даже и не желание было, а просто мысль – как бы расходы уменьшить. И что вы сделали?

А что мы сделали?

«Наташа, мы все уронили, вообще все», вот что вы сделали. Вот этот сраный коронавирус кто устроил? Да, мне теперь не надо платить за продлёнку, за кружки, за питание в школе, ещё часть репетиторов – те, которые очно, – отпали. Но вот этот душный пипец по всему миру зачем? Неужели не было другого способа? Доходы тоже, знаете, уменьшились.

Эммм. Ну, вообще-то тут мы два твоих желания исполнили. Или три. Или пять – это как посмотреть. Кто хотел не работать в шесть утра в выходные? Успевать смотреть кино и читать книги? Кто тут радовался, что распочал свою внутреннюю тишину и начал просто слушать музыку? Кто хотел

не таскаться на работу в общественном транспорте и больше времени проводить с детьми? То-то же.

Да, сорри, небесные чуваки-покровители, с удаленкой вы вообще все здорово придумали. Но зажигание у вас явно позднее.

Что опять тебя не устраивает?

Четыре года назад, помните? Так хотела, так хотела я нормальной себе удалёночки, чтобы ребенок в садике, а я дома в шаговой доступности... Вместо этого что? Три года фултайма в офисе и 29 больничных листов, и еще сколько раз по три дня дома посидеть без больничного. Как меня не выперли из этого института, я не знаю – каждый месяц по два раза на больничном.

Ну, упс. Но теперь-то всё норм, да?

Надолго ли, ребята? Ситуация с коронавирусом, похоже, вышла у вас из-под контроля.

Вот ты неблагодарная. А мы ей ещё столько всякого насбывали...

Ой-ой, насбывали они.

Вот ты хотела, чтобы книжка в большом издательстве вышла? Было такое? Выходит же.

Вы издеваетесь? За эту книжку меня порвут на тысячи маленьких книжонок. Не в смысле на сувениры от счастья ею обладать, а в порыве праведного гнева.

Надо было писать нормальную.

Я писала – не брали. Взяли самую придурковатую.

Ты еще премию за нее отхватила.

Хотите, отнесу обратно?

Неси. Слабо, да?

Да, слабо. Коронавирус отмените, дайте побольше нажористой удалёночки, пусть дочь ЕГЭ сдаст и на бюджет поступит, тогда да.

Мы работаем над этим.

Работают они.

Ну, а это вот, с мужиками? Она уже не помнит, ага.

Что с мужиками, с какими еще мужиками?

Ну, ты как-то захотела реанимировать свою способность снова смотреть на мужчин восхищенными глазами...

Я? Захотела? Я просто мельком подумала, что я больше не смогу так на них смотреть.

А мы решили, что это... ну, пункт такой. Из списка. Их же, пунктов, много у тебя.

Решили они. И что же вы сделали?

А что мы сделали?

Вы подсунули этого, блин, доктора!

Но ты же посмотрела на него и была в тот момент восхищена.

Вообще-то, это подленько.

Вообще-то это норм. Это жизнь, детка. Ты любишь – тебя нет, и наоборот.

Если это и было желание, то вы спустили его в трубу.

Надо точнее формулировать.

Да уж как умею. Вы, похоже, вообще всякую ерунду в исполнение тащите, хоть не думай совсем.

Служба такая. Слушай, мы тут подумали. Надо тебе кое-что сообщить. Ну, чтобы хоть как-то косяки свои загладить. Хотя мы их косяками, конечно, не считаем.

Говорите уже.

Помнишь, ты там чего-то про мужика заикалась, который мог бы решить все твои проблемы...

Так, стоп. Чувствую, устройте лет через сто лабудень какую-то. Не надо. Есть уже один такой.

Дааа? Правда? А мы и не знаем. Поделишься?

Господь Бог его имя. Только он тут все и разгребает.

Брат, ты слышал? Ну, наконец-то! Дошло до женщины. Шеф, надеемся, тоже всё услышал. Ну, ты это, не дуйся. Мечтай там аккуратнее, скоро не жди – нам еще этот душный пипец по всему миру разгребать. Уже начали. Но как только – так сразу. Прямо вообще сразу, в порядке очереди, естественно.

Доктор Карпов

Доктор Карпов сидит в семиэтажной больнице рядом с кромкой бора, как в крепости. Я хожу вокруг, как дракон (маленький, поникший, совсем не огнедышащий), трясу лапкой и говорю: «Я достану тебя, доктор Карпов».

Все потому, что мне нужно взять у доктора Карпова интервью, а ему можно позвонить только по рабочему телефону.

ну. Он на обходе, он в реанимации, он уже ушел, он еще не пришел, он куда-то вышел. Наверное, меня знают по голосу уже все ординаторы этого отделения. Из всего этого я делаю вывод, что доктор Карпов неуловим и быстр, как ветер. Я посмотрела его профиль: так и есть, мотается по всему миру. А я тяжела, как камень. Одна только галька на мне сколько весит.

Что и говорить, это полезное умение – ощущать, как будто ты весь этот тяжелый мир поднимаешь на кончиках пальцев. Пуф, и он летит. И ты вместе с ним. Только я им не обладаю. Хорошо бы, если доктор Карпов так умел. Но, я думаю, и у него бывают часы и минуты, когда хочется уползти на дно моря, камнем туда упасть. Хотя, может быть, он забирается на самый верхний этаж своей башни и сидит там, как в до-мике, смотрит на облака. Или уезжает в Будву или в Копен-гаген.

Моя чешуя из гальки. Камень побеждает ветер. Камень побеждает время. Камень ни с кем не борется, но побеждает вообще все, кроме воды. Капля камень точит. Море все равно побеждает даже самые крепкие из камней – проводит по ним шершавым языком, и самые колючие становятся гладенькими валунами и гальками. Поэтому я не плачу. Вообще никогда. Слезы ушли в какие-то карсты. Уже целый год. Только когда смотрю какое-нибудь кино. Недавно я плакала из-за фильма, который упомянул в своем интервью доктор Карпов. Да, дракон таки просочился в крепость и чуть не

получил шваброй по спине за то, что просочился без бахил. Где вы видели бахилы подходящего размера и прочности, с нашими-то когтями?

Доктор Карпов – большой специалист по мозгам и нервам. Нервы у меня закончились, а мозги и не начинались. Поэтому лечить меня не надо. Доктор Карпов спасает людей от инсультов. Вот они ходят по отделению, шаркая ногами. Ходят, а могли бы лежать. Они живы, а могли бы умереть. Из всего этого я делаю вывод, что доктор Карпов – рука Бога на земле. Пусть эта рука погладит мои спинные отростки – нам, драконам, тоже иногда бывает нужно прикосновение Бога, мы ведь тоже Божьи создания, хоть и неприглядные.

Доктор Карпов рассказывает мне про болезнь Альцгеймера. Если Альц завелся, его не остановишь. Но, как сказал один знакомый, есть в этом и плюсы: до Альца еще дожить надо. Я не хочу доживать до Альца. Драконы вообще долго не живут. Они вообще все вымерли, осталась только я. И то живу только потому, что мне нужно охранять свое сокровище – двух белокурох, кудрявых принцесс. Когда они вырастут, сморщенный драконий страж будет им не нужен. А пока мне капец как трудно: я в пучине, а они здесь – им нужен кислород и солнечный свет. Уследишь тут.

В этом фильме было про любовь. Главный герой живет вместе со своей женой в доме престарелых. И она его совсем не помнит. Но иногда ровно на пять минут память возвращается к ней, и она его вспоминает, а через мгновение опять

отталкивает с криками: «Кто вы? Почему вы меня обнимаете?» Каждый день он читает ей книгу, которую написала она сама, еще будучи в памяти. И даже умерли они в этой лечебнице в один день, черт побери.

Доктор Карпов, вы что, не понимаете, что нельзя советовать такие фильмы наскоро слепленным драконам? Ну, а как бы он понял, кто перед ним. Я же представилась своим человеческим именем, драконьего-то вообще нет, кто мне его даст. Вобрала в себя гальку, спрятала всю жесть и даже пыталась шутить и смеяться. Смех у меня в диктофонной записи – сущий драконий клекот, глупый и нестрашный. А у доктора вполне замечательный голос. Как и положено человеку, живущему в высокой башне.

Парень в том фильме повис на чертовом колесе, чтобы Элли согласилась пойти с ним на свидание. Если бы у меня были крылышки, я бы зависла перед окном доктора Карпова. Но я редкий, бескрылый вид, да и то последний экземпляр. Я же морской дракон, только что выползла со дна моря. От меня рыбой не пахнет, нет? Да и стала я драконом совсем недавно.

Вообще-то, до этого я была кораблем. Который долго боролся с разными морскими неурядицами, а потом получил пару серьезных пробоин ниже ватерлинии, сказал «хватит» и залег на грунт. Была бы я подводная лодка, так вообще без проблем: погружение – всплытие – погружение. Наверное, со временем отращу себе настоящую подлодность. Если

получится.

Затонувшему кораблю ведь вовсе не о чем беспокоиться. Хватит уже, поволновались. Лежишь себе на дне, вокруг темно, вода, пузырьки, рыбки. На дне моря нет шторма, нет таможни, нет пиратов и пограничников, нет айсбергов, и вообще не надо никуда плыть и сверяться с курсом. Всякая хрень только прирастает, а так это хорошее место. Никто сюда не доберется. Солнца бы еще, света тут очень не хватает. Но каким-то чудом работает связь.

Поэтому, когда меня попросили взять интервью у доктора Карпова, пришлось подняться на поверхность. Нет, корабль так там и остался, он же не может выйти незаметно на сушу. Морская пучина быстренько слепила дракона из разного подручного материала и отправила его добывать доктора Карпова.

Как так, спросила я себя, когда доктора Карпова в двадцать пятый раз не оказалось на том конце провода. Нет, совсем не проблема найти мобильный номер кого бы то ни было. Но так даже интереснее. От меня еще никто не уходил, доктор Карпов, и вам не удастся. Это чистый спорт, работа, ничего личного.

Дракон, когда добрался до доктора Карпова, подумал: «Охренеть, какой у вас тут доктор. Зачем вы мне его показываете?»

Дракон подумал: «Я только-только набил сухими водорослями свое сердце, просто чтобы оно было, не ходить же на-

верх с пустотой в груди, у всех наверху есть сердце, и вот оно воспламенилось. Если меня толкнуть, из меня полетит пепел, и это будет второй Помпеи. Вы этого хотите?»

В это время на ржавом затонувшем судне заработал дизель-генератор. Сам по себе. Зажглись ходовые огни. Все удильщики, прочие глубоководные твари сплылись посмотреть, что это за фигня так ярко светит в пучине моря. «Ты жжёшь, – подумал корабль, – причем жжёшь последнюю солярку. Так тебя и до шестидесяти не хватит. Вдруг что, и придется подняться на поверхность, а солярки нет. Какой еще нахрен доктор Карпов? Быстро уходи оттуда. Возвращайся, кому говорю».

Дракон не посмел послушаться, он же был только наскоро слепленным аватаром, поэтому выключил диктофон и ушел, оставляя мокрые следы на больничном кафеле. Вышел на улицу, потрянул головой, сразу полетели хлопья пепла. Дошел до кромки бора, потом до кромки моря, вошел в воду, нашел свое ржавое настоящее тело, залез в самый дальний угол трюма, попросил выключить передатчик. «А я и не включал, – ответила ржавчина вокруг. – А как тогда? – Сам не знаю».

– Не ходи уже к этим людям, – сказала ржавая темень. – Да понял я все уже, понял. – Как там девочки? – Нормально. – Присмотришь за ними? – Ладно. Только как бы сделать, чтобы никаких докторов, никаких людей вообще. В смысле очаровываться ими чтобы не. – Боюсь, не получится, сам

понимаешь, тебе ведь все равно иногда придется вылезать. Просто не ведись на их милоту. – Да понял уже, понял. – Отбой. Спи. И это... – Что еще? – Если будешь ходить к той башне у кромки леса, я попрошу морскую пучину оторвать тебе лапы. Если и это не поможет, заварю в трюме, распылю на ил и водоросли. – Тогда я не смогу видеть девочек. – Вот только это меня и останавливает.

Не подарок

Меня всегда волновал один вопрос: почему все наши желания, рано или поздно, худо или бедно, криво или прямо, сбываются, кроме одного?

Почему если ты просишь небеса подарить тебе человека, облака привычно скручиваются в красивые кудрявые кукиши?

Нет, не в смысле подарить тебе его в безраздельное пользование – сыграть свадьбу, посадить рядом и заставить полочки по выходным приколачивать. В смысле развернуть этого человека в твою сторону и чему-нибудь там произойти между вами. Чтобы небеса расправили свои кукишевые складки, и пошла по венам высокая небесная химия. Может, даже не любовь, не знаю, приязнь, желание видеть и говорить с ним снова и снова. Это же самое главное желание, разве нет? Разве не были люди созданы человековыми наркоманами изначально? Вот эта вся история с ребром, она же не просто так придумана?

Можно, конечно, сбывать свои желания самой. С помощью упорного труда над собой и окружающими и разных хитроумных схем.

Лера, одна девочка, та еще дурочка, очень гордилась тем, что в юности придумала хитроумную схему, чтобы заполучить одного мальчика. Мальчик играл в преферанс, но не игроман и не шулер, и в целом был положительным персонажем. Только очень деланным: занимался балетом, ходил всегда носки с вывертом. Внешностью – Тиль Швайгер, достучаться до него для Леры было все равно что достучаться до небес. Лера искала разные подходы, пока не придумала этот. «Научи и меня», – попросила она. «Для префа нужны четверо, – ответил мальчик. – У меня есть пара друзей. Но если найдешь своих двоих, то тоже вэлкам».

Играть предстояло по ночам. Даже самая дурная дурочка понимает, что играть ночью в азартные игры на ставки с тремя парнями, пусть даже один из них тебе очень нравится, – так себе история в плане возможных последствий. Но у девочки была пара подружек, у которых было а) много свободного времени, б) склонность к авантюрам, в) желание помочь. Три мушкетерки, ага.

В итоге все прекрасно провели время, в преф, правда, играть так и не научились. С мальчиком все сложилось, но ненадолго. «Тиль Швайгер» был не против всего, это Лера поняла, когда после какой-то вечеринки оказалась у него дома (сам позвал), лежала в ванне и поняла, что сейчас будет

то самое, ради чего все и затевалось. Лера поняла, что может приходиться к нему как к себе домой в любое время и оставаться столько, сколько угодно. Что «Тиль» уже готовит для нее плов, знакомит с друзьями и зовет на спектакли своего народного балета.

И еще Лера вдруг поняла, что она таки получила этот горячо желанный подарок, но вряд ли его достойна. Что «Тиль»-то хорош и даже теперь весьма доступен, никаких преград. Но Лера думала, что с ней он просто потому, что добрый и в данный момент свободный, а не потому, что Лера суперженщина и вообще молодец.

Лера никогда не думала о себе, что и она может оказаться для кого-то вполне приличным подарком. Что и она может кого-то обрадовать своим вниманием, заставить дышать неровно и искать способы позвать Леру в свою жизнь. Лера думала о себе ровно наоборот. И Лера засмушалась и слилась. Больше никакие хитроумные схемы в этом направлении не работали – Лера спугнула свою удачу.

Впрочем, нет. Лера даже вышла замуж, и даже не очень поздно. Но все те годы, что жила в браке, думала о себе словами из одного анекдота про Ленина: «Надо же, Надежда Константиновна урод уродом, а какого парня отхватила!»

Лера привыкла жить с мыслью о том, что, чтобы получить желаемое, нужно изрядно потрудиться. Чтобы люди пришли к ней, Лере надо самой выйти навстречу в кокошнике и с караваем и прийти почти к самому их порогу. «Придут и са-

ми все дадут» – это совсем, никогда, вообще не про Леру. В Лериной картине мира нужно было все добывать высоким напряжением, потом, кровью, умом, трудом и высиживанием. Если Лере обламывалась какая-то удача – пятерка на экзамене, премия на работе, хорошая погода в отпуске, Тиль Швайгер в постели, то Лера думала, что просто повезло, что это случайность, и не думала о том, что заслужила, добилась, заработала, и вообще всего этого достойна и теперь может радоваться и наслаждаться.

Лера не хотела думать о том, что ее жизнь и отношение к ней определило одно неосторожное слово. Но оно само так думалось. Когда Лера была маленькой, класс второй или третий, мама отвечала на вопросы врача, оформлявшего Лерину плановую госпитализацию в кардиологию.

«Ребенок доношенный? – Нет, в восемь месяцев родилась. – В семь родить не так хуже, как в восемь».

Когда они вышли из кабинета, Лера устроила истерику: «Зачем ты про это ему рассказала?» Мама пыталась оправдаться, что в этом нет ничего такого постыдного, что ну вот так получилось. Родилась же, нормальная, растешь вот. Потом, когда Лера сама готовилась в первый раз стать матерью, мама, глядя на то, как бдели врачи над Лериной поздноватой беременностью, назначая то УЗИ, то фолиевую и магний, то сохранение, рассказала:

– В наше время-то ничего такого не было. Беременность тобой была слишком токсикозная, а врачи могли предложить

только анализ крови общий, да на сифилис. И еще лежать, задрать ноги на стенку. А какой лежать? Едем утром на смену в набитом трамвае, хорошо, с отцом на одном заводе работали, а меня тошнит. Выходим, блюем под кустами, идем пешком до завода три остановки. Сил нет, а я бегаю между станками. Есть вообще не хотела, боялась. Хоть до восьми доносила. Зато с сестрой твоей ночью вставала и могла булку хлеба без воды и соли сожрать.

Теперь в той части города понаоткрывали торговых центров, Лера часто ездила туда и думала: вот где-то здесь, в этих кустах и осталась Лерина доношенность, ее истинное рождение, красота и ладность. Не донесли ее до места назначения. И теперь Лера взаправду не находила себе места – меняла работы, уходила оттуда, где чувствовала себя не в своей тарелке, долго не ощущала квартиру своим домом.

Где-то не здесь, где-то там должна была быть Лера – на месяц позже, на месяц лучше. Что теперь ни делай, как ни старайся, этот месяц никак не перепрыгнешь. Из-за этого случилась вся Лерина гномья натура: маленький рост, короткие пальцы, низкожопость и широкие плечи, из-за которых Лера казалась квадратиком. Если короткие пальцы попадали в кадр, то фото сразу признавалось неудачным, как бы хорошо ни выглядело Лерино лицо. Как можно любить того, у кого на руках обрубыши, а не изящная длиннота, хола и аристократизм? Короче, не подарочек. Мать Лера не винила, какой смысл. Лере зато передалась материна жизнестойкость

– ценное наследство. Бегать между станками, когда сил нет: запускать то один челнок, то другой, чтобы ни один из них не упал, нить не оборвалась, станок не остановился и не дергался бы вхолостую, и полотно жизни не ушло бы в брак.

Спустя некоторое время после развода Лера стала думать, что лет ей много, а красивой женщиной она так и не сумела стать. Поэтому и ловить ей нечего, и что Лера сошла с арены высоких отношений и плотских желаний. Хотя иногда накачивало, и хотелось, чтобы обняли, поцеловали в макушку, позвали погулять и купили мороженое. Когда сильно накачивало, Лера звала знакомых мужчин выпить кофе где-нибудь в кофейне, но все отказывались. Лера перестала звать и решила жить одна и не терзать себя по этому поводу. Всё уже было и теперь закончилось, нужно принять как данность и отключить эмоции. Тчк.

И, в общем, ей удавалось, правда, недолго. Лерины соседи, молодые супруги с сыном-первоклассником, ждали второго ребенка, поэтому решили расшириться и квартиру продали. Теперь через стенку стал жить мужчина. Один. Лера не то чтобы как-то этим фактом озаботилась. Просто тут наступила самоизоляция, Лера и так работала на удаленке, а теперь и вовсе ее социальные контакты сократились до ноля.

Лера иногда возмняла о себе и начинала считать себя профайлером – ей было интересно составлять портрет интересующего человека по его аккаунту в соцсети, по каким-нибудь косвенным фактам, наблюдениям и словечкам. Инфор-

мация была, как правило, разбросана крупицами по постам и фото, и по всему интернету. Но из этих крошек составлялась подробная картина, правда, проверить ее не всегда представлялось возможным. К примеру, Лера однажды брала интервью у одного доктора и ушла от него как громом оглушенная. Стала копать.

Лера выяснила, что доктор раньше был толще и выглядел как типичный сорокалетний пузатый мужик. А сейчас он был подтянутый фитонях. При их встрече из-под коротких рукавов докторской куртки выглядывали вполне приличные бицухи с татуировками, а про пузо ничего не напоминало. Лера пересмотрела все его альбомы с фото – еще лет пять назад татух не было. Лера знала, что мужчин на глобальные перемены во внешности толкают в основном какие-либо серьезные проколы на личном фронте. «Тиль», например, незадолго до того, как стал играть в преферанс с Лерой и ее подружками, побрился налысо, потому что его бросила девушка. И еще так однажды сделал Лерин коллега: пришел на работу бритый под ноль, а потом кто-то сказал, что от него жена ушла. О том, что произошло в жизни доктора (кандидата наук, заведующим в городской больнице и начмеда в частной клинике), после чего он так сильно изменился, оставалось только догадываться. А может быть, и не произошло ничего такого – он же доктор, и вообще-то правильно самому быть зожником, чтобы втирать пациентам про преимущества правильного питания, спорта и отказа от бухла и дыма.

Лера решила выяснить, что там у доктора за жена. Жена была, тоже врач, работала в другой больнице, но даже специализация у них была одинаковая. Годы выпуска из «меда» разные – похоже, что студент-старшак склеил младшекурсницу. Аккаунт в сети у нее был, но там информации почти не было, всего пара фоток. В альбомах у доктора тоже была всего пара фото с женой. «Тут, – решила Лера, – одно из двух: либо счастье любит тишину, либо хвастаться особо нечем».

На одном из них, с пляжа в Таиланде, жена пряталась под большой шляпой, за темными очками и за телами детей и мужа. На тех фото, где не пряталась, было ясно, что она вполне обычная сорокалетняя тётка. Лера, может быть, выглядела даже выигрышнее, чем она – в Лере всего-то было пятьдесят кило без всякого спорта, стрижка под мальчика и очки в большой, подростковой оправе. Но Лера не могла думать о себе как о выигрышной женщине. Выигрышная та, которая замужем и у которой муж успешный, модный доктор и возит в Таиланд. А не та, которая с двумя детьми в разводе и дальше дачи нигде не была. В общем, Лера сдала доктора без боя. Но была счастлива тем, что любила его на расстоянии целых два месяца, а потом запретила себе все эти дурацкие мысли. Тчк. Еще про доктора Лера узнала, что у него двое детей, сколько им лет и где учатся (сын студент, дочка школьница), что оба занимались плаванием, что доктор гордится ими до безумия. Что кроме детей воспитывает мопса, помогает жене делать заготовки на зиму (что? серьезно?) и много путе-

шествует, в том числе в одиночку, и какие страны любит и на каких конгрессах бывал. Сечете, что может узнать о вас кто угодно, только зная ваши имя и фамилию?

Теперь ее занимал сосед. Фамилию его она не знала, поэтому проанализировать его аккаунты не могла. Лера могла бы узнать фамилию из квитанций, которые старшая по подъезду втыкала им за косяк общей двери, но соседскую теперь не приносили. И Лера начала профайлить его по тем визуальным данным, которые были в её распоряжении.

Внешность у соседа шпионская, решила Лера. Не в смысле зловещая или таинственная. Трудно запоминающаяся, вот такая. Первое время, встречая его в лифте или на лестничной площадке, Лера здоровалась с мыслью: «Это он или не он?» Когда Лера хотела вспомнить, как выглядит сосед, то во всех подробностях вспомнить его не могла: волосы светлые, высокий, худой, лет не пойми сколько – может быть и тридцать, может и сорок пять, остальное стёрто. Если тридцать, то вопиюще молод. Но одевается как скушный сорокет и даже подполтосник.

За те несколько месяцев, что сосед жил в их доме, к нему никто не приходил. Когда он только въехал, и они впервые встретились на площадке, Лера сказала: «Нас тут трое, и мы бываем шумные. А вас сколько?». Сосед ответил, что он пока один. Должны же быть у человека друзья, родители, коллеги, недоумевала Лера. Вон, на седьмом у них тоже новенький, возраста примерно того же, а гудит каждые праздники,

как подросток – у него там и бабы повизгивают, и гитара, и караоке по ночам. Пару раз Лера видела, что к соседу приезжал какой-то парень, но сосед сам выходил к нему во двор. Какой-то бирючина, отметила Лера.

Из-за этой стертости и замкнутости Лера наградила соседа аурой легкой опасности. Вроде и нет причин для беспокойства, но что-то тут неладное Лере мерещилось. На самоизоляции Лере уже хотелось посмотреть на живого человека, а не только на детей, поговорить с кем-нибудь своего возраста и не по работе, а о кино, музыке и смысле жизни, и Лера хотела набиться на чай или кофе, но маленький диодик встроенной системы безопасности начинал тускло мигать: «Не лезь, не трогай, не буди лихо».

В редкие разговоры сосед вступал охотно. Сначала это ведь на него грешила Лера, что он поет с бабами по ночам. Она выходила на площадку, прислушивалась, за его дверью было тихо, а откуда гремела музыка – сверху или снизу, Лере было непонятно. И Лера однажды решила спросить у соседа, может, ему понятнее.

– Прямо подо мной, – вздохнул сосед. – «Повезло» так повезло.

Однажды Лера по хлопанью соседской двери поняла, что он стал куда-то наяривать по выходным ближе к вечеру. Как-то спустя полчаса после его ухода Лера вышла, чтобы вынести мусор, и чуть не словила приступ аллергии – в «тамбуре» висел мощный запах не слишком приятного Лере соседско-

го парфюма. Девушку, что ли, завел? Но сосед возвращался домой в детское время – в десять. Была бы девушка, у нее бы и ночевал.

К ребенку, однажды осенило Леру, сосед – воскресный папа, и ходит по выходным к ребенку. Ее муж после развода тоже приходил за детьми весь наглаженный и отутюженный. У взрослого человека в анамнезе всегда есть дети и бывшие. А если история «болезни» пуста, то тут и впрямь что-то нечисто. Не сходится, думала Лера. Был бы ребенок, приходил бы изредка к папе в гости. Ходит к родителям? Зачем тогда так духарится? Может, к анонимным алкоголикам или в секту? Ну, ты совсем, шикнула на себя Лерка, нечего зря наговаривать на человека. Хотя и секта тоже могла быть.

В молодости у Лерки не сложился роман с одним студентом из Томска. Лерка всю свою жизнь считала его упущенным шансом. Когда Лерка нашла его в соцсетях, то выяснилось, что он живет давно в Канаде, дом у него – что терем Морозко, а работает главным энергетиком. Женат и трое детей, младшей год с небольшим, а старшая рисует в США мультики для Пиксара. Лерка чуть не заплакала. Поставила лайк и пошла себя грызть. «Канадец» написал ей первым. Лерка аж воспряла. Но через пару дней переписки выяснилось, что он любит теории заговора, ненавидит людей определенной национальности, исповедует какие-то исконно-посконные славянские практики и, видимо, остро испытывает у себя там, в Канаде, недостаток единомышленников. Лерке

такие мощные тараканы не нужны были даже на столь большом расстоянии, поэтому она свернула переписку. Так что сектант через стенку ей тем более был не нужен. Свяжешься, и что потом, переезжай?

Что там с работой, продолжала профайлить соседа Лера. Всю самоизоляцию сосед уходил из дома в полвосьмого утра и приходил около шести вечера, в пятницу у него был сокращенный день – мог прийти в полпятого. Белый воротничок, решила Лера. Но кто именно? Бюджетник? Офисный работник? Точно не врач, у них теперь смены в поликлиниках до восьми вечера и суббота рабочая. Лере было удобнее думать, что он айтишник или другой технарь, на лице написано – выпускник политеха. Ну, не бухгалтер же. Работает где-то рядом, в пятницу к полпятому домой из центра не приедешь. Хотя где тут у них рядом можно работать? В ЖЭУ, в продуктовых, в школе, в детском саду? При всем при этом Лера убеждала себя в том, что сосед ее нисколько не интересуется, это все самоизоляция, и Лера балуется от скуки и дефицита общения.

Однажды Лера в очередной раз не могла вспомнить, как выглядит сосед. Да сколько можно, подорвалась Лера, надо уже как-то запомнить, мало ли что. И Лера вспомнила историю про преферанс и «Тилия Швайгера» и решила придумать что-нибудь в том же духе. Пару недель назад Лера стала замечать, что в общей входной двери начал заедать замок. Такое уже случалось, замок с каждым разом разбалтывался

все сильнее, и его приходилось менять, но иногда помогало и простое смазывание. В принципе, Лера и сама могла отвинтить четыре болта и капнуть масла. Но Лера решила, что это повод. А то что ж такое, полподъезда Лера может встречать по три раза в день, а с этим и за месяц ни разу нос к носу не столкнуться. Не иначе Бог отводит?

Сосед охотно откликнулся и уже на следующий день разобрал замок и постучал в Лерину дверь. Никогда еще мои просьбы не выполнялись так быстро, вздохнула Лера.

– Не вижу тут особых проблем. Но раз вы говорите, что уже так бывало, и замок приходилось менять, то можно и смазать. Только масла нет у меня.

Лера вынесла пузырек с машинным маслом. Лера была в коротких джинсовых шортах, и ей захотелось прикрыться. Но оправа у нее была та самая, удачная.

– Я понаблюдаю, – продолжал сосед, – если и дальше будет заедать, купим новый. Запишите мой номер. Если что, звоните.

Первым делом Лера проверила, есть ли сосед в ватсапе. Он там был. За те пять минут, что продолжалась профилактика замка, Лера успела разглядеть, что соседу скорее сорок, чем тридцать, – возле глаз морщинки, а походка взрослая, как будто уже чем-то слегка приземлило, пригнуло. Что речь у него спокойная и правильная. Пальцы длинные. И выглядит действительно как айтишник, а они все немного додики. Диод мигнул, но Лере захотелось на него уже плюнуть.

Спустя пару недель замок работал нормально, но Лере захотелось сыпануть туда песочку и написать соседу о том, что замок совсем сломался, давайте скидываться на новый.

Лере захотелось реанимировать свое бывшее везение. Лера ходит по дому и перекачивает в своем мозгу круглый камешек: «Я подарок, я подарок, я очень крутой и клевый подарок. Я теплый и ламповый подарок, как глинтвейн на Рождество, как хорошая погода в отпуске, как квартальная премия, как тринадцатая зарплата, как сотня от бабушки на день рождения в детстве, как торт без калорий, как море в июле, блаблабла».

Господи, застрянь их в лифте хоть что ли, приведи соседа за солью, спичками или картошкой, устрой у Леры дома какую-нибудь проблему – мелкую, но требующую срочного решения.

Или дай понять Лере, что у соседа все хорошо, есть какая-нибудь невидимая жена, потому что счастье любит тишину, чтобы Лера перестала надеяться и придумывать себе всякое.

Но, как обычно, ни того, ни другого у Тебя не допросишься, Ты любишь изводить людей неопределенностью. Знаешь ли, раз уж жизнь так коротка, а после сорока и вовсе убывает с ужасающей скоростью, то хотелось бы принимать решения на основании имеющихся данных быстро и решительно, не тратить время на подростковые метания, на неуверенность, версии и догадки. Не попробуешь – не узнаешь, это да. Но и

позориться лишний раз кому охота. Допустим, весь Леркин профайлинг – полная туфта, и меняй потом, Лера, квартиру, ибо стыда и/или проблем не оберешься.

Или Ты даешь так понять, что кто не рискует, тот остается без подарков? Беги, хватай, Лера, а то так и просидишь под елкой, уйдешь с праздника с пустыми руками? Как тебя прикажешь понимать, Господи. Лера, алё, вот что: будь хотя бы подарком для самой себя, но это вот труднее всего.

Кто их пожалеет

Почему так: давишь в себе мымру, а она все равно в тебе остается. Жалеешь в себе мымру, а она не превращается во что-то более прекрасное. Кто-то когда-то сказал тебе, что ты мымра, посеял в тебе этот плевел, и он там и остался, и про-рос, и дал плоды свои горькие, которые царапают тебя своими колючками. Вырвать мымру нельзя, корни ее как метастазы. Можно только сделать вид, что мымру забыли, стерли из памяти, вычеркнули. А она живет, растет, вину твою пестует, качает ее на своих колючих листьях.

«Вот я что-нибудь сейчас с собой сделаю, понесут меня в гробу, вот я посмотрю на ваши рожи... А, нет, не посмотрю, – думала Катя. – Вообще ведь не увижу, что там дальше будет. Вдруг со мной в будущем случится много всего прекрасного, а я не узнаю. Ну, то есть, и не случится, и не узнаю. А вдруг они не раскаются, а вдруг они не заплачут. Тогда все зря? Но сдохнуть, это да. Утром перед школой умираешь,

вечером, когда все позади, вроде как и незачем. Ну, мама бы еще плакать стала, конечно, может, тоже бы умерла – сердце или что там. Маму жальче, чем себя».

И вообще, не мымра никакая, а сифа. Игра, знаете, такая, с какой-нибудь поганой тряпкой: в кого попали, тот и сифа. Слава те господи, прошла на нее мода. Кто бы знал, что от какой-то поганой тряпки вся жизнь пойдет наперекосяк. Прилетело разок, сама не смогла никого засифачить, потому что неловкая была, и всё. То есть, не в шмотках даже дело – все тогда примерно одинаково одевались, особо модных не было. В маленькой поганой тряпке. Ну, это Катя так думала. У этих не спрашивала. Да и неважно уже, на самом деле, доискиваться теперь нет смысла.

Ну, а с чего бы Кате было быть ловкой? Почти всю началку пролежать в больницах. В третьем классе в день пионерии Кате вырезали аппендицит, поэтому выпускной из началки класс отмечал без нее, передали только открытку с портретом Ленина за хорошие оценки и примерное поведение, книжку «Белеет парус одинокий». И ленточку бумажную с буквой «а»: иностранный язык тянули жребием, французский-то никто не хотел. Учительница вытянула Кате английский.

После операции – десять дней в больнице, потом три месяца никаких резких движений и освобождение от физ-ры на два месяца, которое не пригодилось, потому что лето. Но тогда Катю еще никто не обижал.

Еще раньше Катя хапнула жуткую ангину, которая дала осложнение на сердце, и теперь в отделении кардиологии семиэтажной больницы на горе – слишком далекой для того, чтобы навещали одноклассники – она проводила пару недель в году. Катя знала уже, где там чердак, где подвал, где боковая лестница. В створке одной двери на боковой лестнице можно было тихонько вынуть нижний стеклянный квадратик, если дверь заперта, однопалатники научили. И в него пролезть, чтобы встретиться с мамой, которая тоже находила всякие окольные пути. Нужно было пройти по подвалу, мимо таблички с надписью «Морг». Но страшно не было: к маме же! Мама иногда и до чердака добиралась, тогда через морг идти было не надо.

В пятом классе, когда Катю в очередной раз упекли в детскую кардиологию, в палате не нашлось места, и ее временно определили в коридор. Мимо больницы, по стылým рельсам грохотали трамваи, оранжево светил фонарь. Шторы на окне не было, и фонарь с трамваями мешали Кате спать. Она просидела всю ночь у окна. Если бы Кате в какой-нибудь книжке встрети́лась фраза «ощутила миг сиротства», то она бы поняла, что это и был тот самый миг. Многие дети ощущают себя брошенными сиротами еще в детском саду, но Катя в садик не ходила. Однажды ее вернули с гневными словами «Несадовский ребенок! Дистрофик!», и Катю в садик больше не повели. Сама Катя ничего такого не помнит – видимо, там не было ничего хорошего, чтобы запоминать. У Кати

была бабушка – деятельная, сухощавая, с вязаньем носков, с вареной картошкой, намятой на ужин, банными вениками, прялкой, алой геранью на окошке и лоскутными дорожками на полу. Поэтому ощущать тоскливый миг сиротства в таком-то уютном коконе было как-то вообще недосуг.

Пока Катя две недели жила на кушетке в больничном коридоре под грохот зимних трамваев, в пятый класс пришли трое новеньких: красивая и компанейская Дашка, мелкий бес Бекчанов и мерзкий, похабный, какой-то необъятный и уже оплывший второгодник Полозов. Когда Катя вернулась из больницы, ее место во всех кабинетах было занято. На каждом уроке повторялось одно и то же: румяная, веселая Дашка, которую все сразу же полюбили, и только что выпущенная из больницы, неизвестно, чем болеющая, не находящая себе никакого места Катя, которая не имела никаких сил выпереть Дашку со своего законного места за партой, чтобы показать, кто тут хозяин.

У глупостей и гадостей нет возраста. Время с пятого по девятый класс Катя прожила, как Кристина Орбайкате в фильме «Чучело». Целых четыре года она потом старательно закатывала в вату забвения. Не пять, потому что высшие силы скостили Кате один год горестного срока: в школьном образовании произошла очередная реформа – все перешли на одиннадцатилетнее обучение, и восьмой класс они просто перепрыгнули.

Катя обнаруживала то плевков на портфеле, то презерва-

тив с водой в кармане куртки, который противно было взять в руки, а представить, что он сейчас вот-вот лопнет, так и вообще. То записку «У кого нет коня, тот садись на меня» на спине, на лямке фартука, хотя на лошадь Катя совсем не походила – слишком мелкая. Даже с Катиным пальто вышла история, как в фильме «Чучело»: нет, его не сожгли, но угваждали мелом и затащили под потолок, вплетя рукава и застегнув пуговицы вокруг решетки над раздевалками. Снял его старшеклассник из соседней школы, который случайно забрел в их здание. И Катя возмечтала о том, что благородный герой обратит на нее свое внимание и возьмет под свое покровительство, но безуспешно. Однажды, возвращаясь поздно из университета, Катя встретила его, они пошли курить на территорию детского садика, он долго рассказывал про то, как служил в армии, чем они там закидывались, накуривались и вставлялись. Думала, может, влюбится. Нет, отвело. Тот старшеклассник на удивление не сторчался. Катя до сих пор, если встречает его, вспоминает ту историю с пальто с благодарностью.

В неказистой Катиной внешности каждый год появлялись какие-то новые, совершенно лишние подробности: полезли прыщи, волосы вообще распоясались, пришлось надеть очки и выпрямлять зубы скобками. Все это шло Кате в минус. Не помогала даже готовность дать списать – брезговали ее помощью. В седьмом классе Катя взяла второе место на краевой олимпиаде среди старшеклассников, школа вывесила на

доске расписаний плакатик с поздравлением, через день кто-то подписал «Сифа!», и плакатик тут же сняли.

Катя все думала, как бы выпилиться из всей этой жизни. Рассказала маме, просила перевести в другую школу. Вместе пришли к классной, та сказала: «А этот тебя обижает? А этот?», называя фамилии наиболее благополучных и равнодушных к Кате одноклассников. Тех, которые дышали к ней зло и неровно, она как будто специально обходила, а сама Катя фамилий не называла – еще не хватало, стукачество.

– Вот видишь, большинство к тебе нормально относится. Нечего переживать из-за нескольких человек. Ты, наверное, сама виновата, что позволила им так себя вести.

Мама сказала дома: нечего бегать из школы в школу, неизвестно, как еще оно будет на новом месте. И вообще, наверное, да, сама виновата. Ржешь, как дура, над их шуточками.

Нечего, подумала скорбно Катя. Это вам нечего.

С этим «сама виновата» Катя жила потом долгие годы. Однажды мама забрала ее в сентябре 2001 года из роддома, где Катя лежала на сохранении, и сообщила новость: наверное, в Америке началась война. Катя тут же, как-то само собой получилось, подумала: это из-за нее, ведь все плохое происходит просто из-за присутствия плохих, вроде нее, «самавиноватых» людей в мире. Нарушается какое-то там равновесие, и бах – все рушится, гибнут люди. Хотя умом Катя понимала, что тут-то она вообще не причем, но глупое ее сердце ныло и противно скрипело: «Причëëëëм, при-

чём-причём».

В девятом Катя придумала, как выпилиться, никого не убивая: ни себя, ни Печищева с Полозовым, ни маму своим дурацким самоубийством. Она забрала аттестат и ушла в другую школу – на самом деле, в другую вселенную, населенную нормальными людьми. Поступила в универ, воспряла. Вся эта чучельная история изрядно отдалилась. Только изредка вздрагивала, если дети где-то рядом играли в «сифу».

Через несколько лет Катя словно бы вернулась, хотя никуда и не уезжала, и увидела их всех, этих. Когда уходишь рано утром на работу и приходишь поздно вечером, можно годами не видеть соседей по подъезду. Как только график вдруг меняется, открывается какая-то тайная сторона жизни места твоего обитания. Когда Катя вращалась в другой вселенной, она думала, что ЭТИ так и не выросли – копошатся где-то в школьном дворе, курят за гаражами, выскивают Катю, а она уже недосыгаема, сидит за компом в редакции, формирует новостную повестку, у нее крутые смешливые коллеги, она тусит в клубах, и сами черти с нею рядом не стояли. Выросла, сбежала, поняли, да?

В ее прежний мир Катю вернула беременность. Она ходила теперь только в женскую консультацию и эти, те самые придурки, которые какое-то время оставались школотой в параллельной вселенной, стали попадаться ей на каждом шагу вполне взрослыми людьми Катяного возраста. Высокая

полная блондинка в джинсовых ботфортах с автозагаром и африканскими косичками. Вообще-то, в школе Анька была брюнеткой, делала себе мелирование. Девочка помнила, что у Аньки постоянно шелушилась кожа на ладонях, и поэтому ей разрешали не участвовать в отмывании стен в коридоре и исписанных парт в классе. Но Анька все равно приходила на уборку, ходила и на всех покрикивала, отмечала неявившихся, могла не отметить из вредности даже тех, кто был, и нарисовать плюсы тем своим друзьям, кто не явился. Катя видела блондинку с афрокосами на районе, а потом она стала набиваться к Кате в друзья в «Одноклассниках». Катя долго не могла понять, чего хочет от нее эта незнакомая стриптизёрша. «Ну, это же я, Анька! – написала блондинка, – помнишь, мы тебя еще в школе все гнобили!» Ну да, помню, спасибо, что напомнила. «Какими дурами мы были». Да уж. «Прости меня, если сможешь». Катя отвечать не стала, просто нажала «добавить в друзья». Фиг с ней. Катя и сама ходила на страницу к Мухину, посмотреть на свою бывшую великую любовь. Мухин ее вычислил, и тоже повинился. Катя ему ответила: «Ладно, проехали».

– А ты знаешь, – сказала как-то мама, – у Аньки-то... Ну, одноклассницы твоей. Ну, ходит вся такая раскрасавица. Муж у нее на зоне, говорят, умер – передозировка. Он и сел-то за наркотики. Где он их там брал, вообще непонятно. Ездила всё к нему. У нее сын маленький, как вот она теперь?

– А Витю помнишь? Ну, Витю, забыла фамилию, ну, с

ушами такой еще... – время от времени возвращалась к разговору мама. Мама, похоже, не прерывала связи с этим местом, знала все новости. Это Катя порвала в мыслях с этим двором раз и навсегда, но так и не смогла от него отлепиться – уехать в Москву ли, в Питер, да в другой район хотя бы. Мам, зачем ты меня все время возвращаешь, устало думала Катя.

Витю с ушами Катя помнила. Он пришел как-то в гости по первому снегу и позвал гулять – играть в снежки. Учились они в первом классе. Играть в снежки за ними увязался папка. Мужчины тогда носили пальто, и папка был в длинном сером пальто с кудрявым таким воротничком, весело обстреливал их снежками, из которых торчали коричневые травинки и листики. Витя тоже был в пальто – коричневом, выгрел снег красными пальцами из-под скамейки, за ее же спинку прятался. Себя Катя не запомнила – ни во что была одета, мерзла ли, больно ли ей прилетело. Когда все началось после этой тряпки, Витя примкнул к гнобителям – просто потому, что его приятели были ими.

– Витя, похоже, тоже сел и надолго, – продолжала мама. – Мать его вижу, но боюсь даже спрашивать, за что.

До Кати и самой долетали вести об этих, не всё от матери. Про Дашку она узнала, что та почти сразу после школы вышла замуж за их одноклассника Горбина. Тот оказался дико ревнивым, не пустил Дашку ни учиться в вуз, ни работать, по слухам, даже из дома не выпускал, хорошо бы, не покола-

чивал, и та строчила дома на машинке какие-то платья подругам. Катя всегда мечтала шить, как Дашка, потому что Дашка очень ловко шила себе юбки с воланами из старых джинсов, эти юбки в то время были вообще «мастхэв». Катя вообще во всем мечтала походить на Дашку – быть красивой, иметь такой же милый нос, такие же туфли, приходиться в школу с такими же локонами, которые Дашка накручивала на бигуди, которые перед этим нагрела в кастрюльке, отшивать старшеклассников, которым Дашка очень, очень нравилась... Но выйти замуж за Гоблина... Горбина и закрыться дома, как в тюрьме? Бррр. Дашка дружила с Катей, но как бы одаривала своей дружбой, всегда смеялась, когда смеялись над ней другие, говорила «Ну ты что, мы же шутим». Но отсвет Дашкиного великолепия все равно краешком осеял Катину нелегкую жизнь.

От кого-то из одноклассников, с кем оставались мало-мальски нормальные отношения, она узнала, что много лет назад повесился Полозов – главный ее мучитель, стокилограммовая туша, зажимавший ботанок в физкультурной раздевалке. На глаза то и дело попадался мучитель номер два Печищев. Здоровался. И она здоровалась. Глупо было делать вид, что она его не знает: сидели за одной партой на литературе и русском. Печищев доставал под партой зажигалку, делал вид, что сейчас подожжет ей крылья фартука. Катя начинала молча метаться, молоденькая учительница Томочка не понимала, что происходит, начинала ругать их, Печищев

ухмылялся, Катя плакала. Всем становилось смешно. Однажды Печищев так толкнул ее на перемене между химиями, что Катя спиной выдавила стекло в большом школьном окне. Толкнул бы посильнее, может быть, со вторым стеклом вылетела бы со второго этажа, и мучения бы закончились. Но даже не порезалась. «Ну и жопа», – сказал Печищев, хотя особой жопы-то у нее и не было никогда.

Взрослой Кате было страшно, если он вдруг заговорит с нею и попросит, например, денег. Выглядел взрослый Печищев страшно: нездоровая худоба, темная кожа, как будто неизвестный огонь испепелил Печищева изнутри. Одет он был так, словно лично у Печищева еще продолжались 90-е, хотя на дворе уже было начало «нулевых». И всегда в одно и то же: в широкую норковую кепку размером с гигантскую сковородку, спортивные штаны и кожаную куртку. От встречи к встрече внутри этой куртки Печищев все больше усыхал, и она выглядела все более чужой, не-печищевской, как будто украденной. Когда Печищев приближался, в голове Кати начинало гореть красным и стучать: «Опасно! Опасно!». Катя знала, что она теперь другая и вообще взрослая давно уже, и Печищев, если что, огребется. «Ага, а если у него нож где-нибудь в кармане, а ты с коляской?» Потом Печищев исчез из поля зрения.

– Наркотики, – сказала мама, – скорее всего.

Катя сидела и вспоминала, каким был Печищев до пятого класса: маленького роста, хорошенький, с веснушками на

носу. В него можно было даже влюбиться, если бы не Мухин, похожий на Пола Маккартни. Классом младше учился младший брат Печищева – лобастый, мало на него похожий, сейчас живущий в Германии.

Вспоминала лопоухого Витюшу, Аньку, Дашку, Мухина, который на глазах всего класса отверг ее подарок на 23-е февраля, тем самым продемонстрировав, что дружба с нею невозможна и даже противоестественна, потому что она не смогла никому перебросить ту чертову тряпку. Вспоминала, какими все были в начальной школе. Вихрастого хулигана Десятникова, который однажды получил пятерку на биологии, и они встретили первую учительницу и рассказали ей об этом, гордясь за Десятникова, как будто за себя. А потом пришел Полозов... Полозова Катя маленьким не знала, поэтому хороших воспоминаний для него не нашлось. Классная била его железным школьным стулом, они и сами однажды устроили ему «светлую» – как «темную», но только среди бела дня, после уроков, прямо перед школьным крыльцом. Как-то так получилось, всех достал.

Катя вспоминала и вдруг поняла: все эти – и Анька, и Дашка, и Витюша, и страшный Печищев, и мерзкий Полозов – все они были наказаны за ее страдания, за четыре невыносимо мерзких года по законам высшей справедливости, всем отлились ее слезы. Отомщена, подумала Катя. Но тут же устыдилась: это из-за нее, нелепой, бестолковой девочки, которая не могла постоять за себя, они стали такими. Была

бы другой, могла бы поражать врагов словом и взглядом, глядишь бы, и поставленный вовремя на место Печищев вырос нормальным человеком, и Полозов бы не повесился, и Анька не осталась бы вдовой и вообще не связалась бы с наркошей.

Господи, подумала Катя, а я ведь этого не просила. Я не так хотела. Я хотела, чтобы им просто стало стыдно, и они отстали от меня. Почему Ты так с ними? Отмени все, что Ты для них придумал. Я не просила для них ничего такого, Господи. Только для себя умереть не больно. Ну, раз нельзя было умереть, то уехать. Отмени, Господи, какое это теперь имеет значение.

Катя подумала еще немного и решила, что Господь тут, похоже, тоже не причем. Просто вся темная, разрушительная энергия, которую они направляли на нее, обернулась вглубь своих злых маленьких хозяев. Не смей винить себя, одернула себя Катя, хватит. Нашла кого жалеть. Кто же их еще-то пожалеет.

Дальняя дача

Когда машина отъехала от калитки, Ирина Сергеевна еще долго провожала ее взглядом, не заходила в дом. Хорошая машина, дорогая. У ее детей таких машин нет, хотя и вкалывают всю жизнь, как лошади. У них вот с Иванычем и вообще никакой машины нет – так и пилят всю жизнь на дачу на рейсовом автобусе. Зятя изредка подвозят, когда могут.

Не удосужились они с машиной как-то. Иваныч всю жизнь

был с техникой на ты, по молодости от завода на уборку в колхоз ездил, комбайн доверяли. Уедет на два месяца, вернется – лицо чернущее от загара, усы отпустит, дети не узнают, пугаются, плачут. А вот за руль Иванычу нельзя было – зрение рано подвело. Иваныч говорил ей по молодости: «Давай возьмем «запорожец», ты за руль сядешь». Но где там! В те годы машин-то было – раз-два и обчелся, а чтобы еще и женщина за рулем – вообще невидаль! Ирина Сергеевна долго потом жалела о том, что не выучилась на права. Когда под конец девяностых все стали подержанными иномарками обзаводиться, все за руль сели – и мальчики, и девочки, и бабки даже старые.

– Ирааа! Ну Ира! – Ирину Сергеевну окликнула через забор соседка, которая стояла на своем участке. – Опять он, что ли, за свое, да? Вот пристал же!

Ирина Сергеевна повернулась и пошла к заборчику, который разделял ее и соседкин участки.

– Да продай ты ему уже участок! Хорошие же деньги дает. Твоих уже сюда ни шашлыком, ни бассейном, ни каким другим калачом не заманишь. Только вдвоем с Иванычем еще и пурхаетесь.

– Ага, продай, – усмехнулась Ирина Сергеевна. – Ты вот свой что ж не продаешь?

– Твой-то участок на первой линии – подъезд есть, а мой на второй – чтобы подъехать, крюк надо сделать, и машину поставить некуда. Бросаем у конторы и пешком чапаем, –

сказала соседка. – Ты вот свой не продаешь, и мой не берут.

Это была сушая правда. Казалось бы, какая разница: участки одинаковые, а вот соседский участок сам по себе никого не интересовал. Соседка часто приезжала на дачу на автобусе и просила пройти через Ирин участок, чтобы не кружить. Ирине Сергеевне было не жалко: соседи хорошие, давние, отношения с ними сложились приятельские, Иваныч даже калитку в межевом заборчике сделал, чтобы удобнее было в гости ходить.

Этот, который на джипе сегодня приезжал, так и сказал, что взял бы оба участка, но Ирина Сергеевна уперлась, а участок без подъезда ему не нужен – строиться неудобно будет.

– Как продашь-то? – тихо спросила Ирина Сергеевна, – Вся жизнь, можно сказать, тут.

И это тоже была чистая правда.

Участок Ирине Сергеевне и Иванычу достался, когда им было почти по сорок, в конце 80-х годов – нарезали от завода в чистом поле. Да ладно бы в поле – поле хотя бы ровное! А здесь одни холмы, все в каком-то кустарничке, змеи, ящерицы, сикарашек всяких полно. С кротами до сих пор бьются – настоящая война, в которой их фазенда на осадном положении.

В конце 80-х начались эти дела талонные: еды в стране вдруг резко стало не хватать, начались нормы отпуска, очереди, потом бумажки эти появились. В 90-е на заводе, где работали Ирина и Иваныч, начались перебои с зарплатой –

то «Доширака» вместо денег дадут, то коробку пряников, то сухофрукты. Один раз дрянной диван удалось взять – лучше, чем ничего. Ели этот «Доширак», которого еще никто в глаза не видывал, и радовались: быстро, вкусно, экзотика, варить не надо! Сейчас такое даже на дачу не берут, простые макароны и то лучше. У них уже две девчонки было, Леночке поступать скоро. Поэтому когда объявили, что завод будет землю под дачи раздавать, решили: берем!

В 80-е, до того, как вся это свистопляска началась, дачи не у всех были. У крутых в основном. У Оппелей, жена в столовке директором работала. У Витковских, муж в снабжении. У Леночкиного одноклассника Мухина, папа – начальник какой-то милицейский. За овощами и фруктами те, кто без дач, ходили в овощной магазин: ящик винограда купить, ящик помидоров – вообще не проблема. Сейчас подступись-ка к этому винограду! А у них свой.

С Витковскими-соседями дружили, те иногда звали на дачу за ранетками – приезжайте, погостите, сами себе нарвите, сколько хотите. Ирина Сергеевна с Иванычем брали девчонок, садились на парходик, ехали в товарищество, где у Витковских дача – хорошенький домик, река рядом, красота, природа, закаты. Ирина Сергеевна тогда тоже о таком мечтала. Но потом на даче погиб младший сын Витковских – бревно какие-то в воде рядом с причалом плавали, он на них прыгал и утонул. У Ирины все мечты после такого сразу как рукой сняло. И без дачи нормально. Это они потом участок

заводской от страха взяли: ерунда какая-то в стране происходит – и с едой, и с деньгами, и с работой, и вообще.

Дача оказалась дальняя – далеко от города. Каждые выходные собирались, брали Леночку – эта взрослая уже: когда хочет, когда нет. Но, если дома оставить, хотя бы на машинке постирает, уберет, еды наготовит. Брали Олюшку, приезжали в чистое это свое поле. Олюшка играет, бегает, Ирина Сергеевна – по лопате себе и Леночке, целину эту вспахивать, корни рубить, змей шугать. Леночка беленькая, на солнце сгорала махом. Олюшка – в Иваныча, черненькая, ту комары загрызали. Вот приедешь в воскресенье вечером, завтра на смену, и конца-краю делам не видно: одна орет – волдыри во всю спину, другая плачет – ножки все в кровь расчесаны. Ну, и стирки, как обычно, мешок.

Иваныч сарай поставил первым делом. Нет, первым делом все-таки туалет-скворечник поставили, чтобы лопаты оставлять. Ну, и не сидеть же с голой задницей в чистом поле. Сарай Иваныч потом в баню перестроил, а первое время в нем от дождя прятались. Грозы и ливня боялись: не столько страшно, сколько не вылезешь потом с этого участка. Если тепло, к остановке шли босиком, обувь в руках несли, перед остановкой на колонке мыли. Вода ледяная, из-под земли качают, но ничего, никто не умер. Ирина Сергеевна, когда маленькая была, летом обуви вообще не знала – детей шестеро, где матери столько обуви возьмешь.

Насосы что-то барахлить стали. Вода в садоводстве всегда

по расписанию была: в день по часу, а теперь – этот час, еще и с перебоями, и пить ее нельзя – трубы ржавые. Ходят на колонку в соседнее садоводство, иногда дети из города привозят.

Поэтому Иваныч сразу как баню закончил, бочками занялся: с кем-то договаривался, грузовик искал, чтоб привезти. Рассчитывался тем, что холодильник кому-нибудь починит, с кладкой поможет, сантехнику какую-нибудь наладить – денег-то ведь не было особо, за старые бочки платить. Хорошо, хоть ума хватило низко в землю бочки не вкапывать. Сколько малышей в этих бочках потонуло! Олюшка на даче у Витковских как-то нырнула в такую бочку, хорошо, рядом были, за ножки вытащили.

Ездили на эту дачу как – отдельная история. Три пересадки нужно было в черте города сделать, с трамвая на трамвай, потом на дачный автобус, на нем до конца, с автобуса еще пёхом минут пятнадцать. Леночка один раз на дачу поехала, класс десятый, села не на тот автобус, заблудилась. Мобильников не было. Поторчала на остановке, села на обратный и вернулась, ничего в тот день не полила. Ирина Сергеевна не ругалась – домой вернулась, и то ладно. Все равно потом дожди пошли. Кошку брали в сумке на дачу, но та совсем сдурела по такой дороге – как дикая стала.

Уж сколько с этим огородом историй было! То ливнем грядки смоеет, то градом выхлещет. То зимой яблони замерзнут. То червь, то жук. То цветмет вынесут, даже сковородки

и ложки алюминиевые. То стекла повыбьют, то в домике нагадят. Все исправили, все выходили.

А сейчас вот он, город – коттеджные поселки уже на самых подступах к их дальним дачам. Зачастили эти, которые на хороших машинах: продайте дачку, да продайте.

Нет, Ирина Сергеевна как-то и сами дачу на продажу выставляли – хотели участок поближе к городу купить. Но по их цене никто не покупал: далеко, с водой не очень, леса нет, речки нет, озеро только, камышом заросшее, раньше купались, а сейчас только рыбалка в начале лета, пока еще совсем не закамышилось. А за дешево продавать не хотели: Иваныч дом такой построил – маленький, но хороший: первый этаж кирпич, печка железная на случай холодов, трубу в окно вывел. Иваныча с дачи теперь не выгонишь, выезжает в октябре по первому снегу. Как такой дом за три рубля отдать? Еще посмеялись: зачем дом такой хороший построил? Строил бы похуже, расставаться было бы не жалко.

– Как умею, так и строю, – сказал тогда Иваныч. – Тебе похуже построишь, критики потом не оберешься.

Объявления сняли.

Те, которые на джипах, они ведь еще в 90-е тут начали строиться. Но не капитально, а тоже дачи – коттеджи такие трехэтажные, все из кирпича, фонари, бассейны, по ночам визги, музыка. Потом подуспокоились.

Несколько лет назад стали в товариществе строиться таджики ли, узбеки – шут их разберешь, короче, гастарбайте-

ры. Ирина Сергеевна сначала косо на них смотрела, а теперь с завистью. Появится сначала один, ну двое, берут участок какой-нибудь брошенный – через контору, официально, все взносы платят. Приедет потом их человек пять-десять, строят дом конкретный. Уж неизвестно, как они тут зимой живут, а может, и не живут, ведь ни света зимой, ни воды. Потом летом появляются бабы с ребятишками – несколько семей. Мужики еще могут в город ездить на работу, женщины – в огороде. Дружно так живут, работяги, вместе все. Урожай у них приличные, Ирина Сергеевна даже как-то ходила, семена просила ради интереса. Ничего так баклажаны выросли в тот год. Безобразий больших от них нет. Ну, еду часто во дворе готовят, запахи всякие. Ну, музыку свою слушают. Вполне приличные соседи.

Когда дачи гореть начали, на них даже никто и не подумал. На этих, с машинами, думать стали. Сначала погорел Чепурнов-алкаш. Ну, тут ничего удивительного: пьет же. Чепурнов-то выскочил, а домик сгорел, там еще труп потом нашли. Полицию вызвали, те сказали: убийство, голова, что ли, проломлена. Чепурнов божился, что просто пили, и все, головы не ломали. Неизвестно, что и как, Чепурнов долго не появлялся, потом участок свой продал. Потом сгорел Проскурин, с Иванычем раньше в одном цеху работали. На него ничего такого не подумаешь. Он потом к Иванычу зашел, рассказал, что, мол, странно как-то сгорело: Проскурин в город за продуктами поехал, электричество отключил, ба-

ню не топил, шашлыков не жарил. Приезжает – веранда сгорела. Главное, аккуратно так. Хорошо, говорит, баба в городе в это время была. А так, представь, если бы она одна, да с внуками еще. Через неделю приехал к Проскурину кто-то из города: дачу продай. Проскурин уперся, веранду еще свою взялся налаживать. Через пару недель на том краю Ситниковы погорели, но те говорили, что сами виноваты: дети кипятильником в бане баловались. Он висит на стене, они бегают, вилку в розетку воткнули и смотрят. Дымиться начинает – вытаскивают. Баня шаять у них начала. Дети, главное, в предбаннике стоят и кричат: «Ааа! Огонь! Огонь!» Жопы потом долго у них дымились. Но все равно, как-то много случайностей – за одно-то лето. Столько лет жили – никаких пожаров. Проскурин в итоге дачу продал, ему в следующем году сердце прооперировали – внаклон нельзя, тяжести нельзя. Новый хозяин завез туда лес, кирпич. И так все и лежит лет пять уже, что случилось – неизвестно. Шальные деньги, видимо: как пришли, так и ушли.

В последние годы брошенных участков стало много. Через две улицы Эля-бабушка дачу бросила: старая стала, здоровье никакое, детям с ее дачи ничего не нужно. Серега-многодетный через улицу перестали приезжать. То хоть приедут раз за лето, вишню, облепиху оберут. Что вот их участки не нужны никому? У Эльки уже не дом, а одни руины. У Сереги – сарай и заросли.

Да их-то детям с дачи много надо? Если мама на горбу-

шечке привезет, то возьмут. Но у них работы много. У Леночки ребенок маленький: то болеет, то погода плохая, то едут куда-нибудь путешествовать. Раньше Леночка на даче и к экзаменам готовилась. Ягоду любила собирать. Бассейна не было, ей Иваныч ванну старую откуда-то притащил, отдраил, воды нальет. На крыше загорали. Ирина Сергеевна так боялась, что они эту крышу проломают. Но нет, Иваныч все предусмотрел. Один раз только, Леночка с друзьями сессию отмечали, куст крыжовника спалили – мангал близко поставили. Иваныч тогда ей всыпал словесно и матерно. Леночка обиделась, на дачу ездить перестала. Крыжовник на следующий год очухался, плодоносить стал – ягоды с маленькую помидоринку. Леночка тогда сказала: «Ну вот, а ты меня тогда ругал». Иваныч ответил: «Ну чо теперь-то».

Олюшка, вот она еще может приехать. Олюшке дача нравится. Олюшка – крепенькая такая всегда была, крестьянская. Это Леночка – чахлик невмерущий: в детстве болела часто, под глазами синё, ела плохо – все время в тарелке ковырялась: это буду, это не буду. Иваныч ее за это звал: «Гнилая интеллигенция». Ну, и вот. Леночка, она теперь интеллигенция, а младшая ее – такая же в тарелке копошунья. На нее посмотришь: вылитая Леночка в детстве – такая же дохленькая, вредненькая, под глазами также синё, и еще под носиком. Леночке говорю: проверь ей сердце да проверь.

Ирина Сергеевна, когда вышла на пенсию, стала по полгода на даче проводить. В город приезжает, только если Иваны-

чу на работу надо, сутки-трое, фирму одну сторожит: ворота закрывает, за камерой следит. Не страшно ночью одному, в его-то возрасте? Говорит, не страшно. Ирина Сергеевна перевезла на дачу швейную машинку: когда урожая еще особо нет, шьет печворк – подушки, покрывала всякие из старого, благо, девки ей много вещей ненужных на дачу списывают. Дарит соседям – надо же чем-то на праздники поздравлять. Иваныч идет с конюховкой, Ирина Сергеевна – с накидушкой какой-нибудь.

Вот эти его сутки-трое – одно беспокойство. И за него переживаешь, и за дачу. Уедешь вот так, в городе переночуешь, приедешь потом к пепелищу. Ирина Сергеевна уже и не помнит, когда в городе лето проводила. В городе жарко, однушечка маленькая. А на даче – простор! Воздух! Иваныч особенно в однушечке томится зимой, когда не на работу. На даче ему раздолье: хочешь копай, хочешь строгай, колоти, сверли – никто слова не скажет. Дома же ничего такого не поделаешь, дома-то уже все налажено и перечинено. Это на даче работы всегда бездна. Зимой Иваныч хандрить, толстеть начинает. Ему нельзя – давление. Читать, кино смотреть много нельзя – катаракта, оба глаза уже леченые. Однушка вообще-то Леночкина с мужем. Ирина Сергеевна сама предложила сменяться, когда старшая внучка родилась: им достаточно и одной комнаты, все равно по полгода на даче живут. Ни у Леночки, ни у Олюшки ипотеки нет, они с Иванычем всем помогли, этим Ирина Сергеевна особенно

гордится. Когда урожай начинается, тут уже не до печворка. Тогда Ирина Сергеевна чаще в город наведывается – садится с урожаем на базарчике и торгует. Долго стеснялась: торгашка на старости лет. Потом ничего, все такие. Хорошо, зятя с машинами, подвозят с ведрами и сумками, когда могут. Картошку закопать-выкопать, это они тоже молодцы.

Леночка ей пеняла много раз: зачем тебе триста корней помидоров? – Как зачем? Вас, дураков, кормить. – Мы не съедаем столько! – А ты закатывай! – Да это никто не ест уже! Круглый год свежие овощи можно в любом магазине купить! – А что там полезного, в твоих овощах из магазина? – А в твоих закрутках что?

Поговорили, называется. Ели бы мамино из погреба, глядишь, может, и миллионерами бы стали. Самой 45, ходишь вон в кедах, денег на нормальную обувь даже нет. О детях вообще подумай, гамно это нитратное им давать. Олюшка, та молодец, закрутки делает. Работа у Олюшки попроще, чем у Леночки, зато выглядит приличнее – и кольца, и маникюр, каблук всегда. Ирина Сергеевна дачу Олюшке, если что, отпишет.

Ай, отпишет. Куда собралась-то? Не в закрутках дело-то. Леночка давно предлагала поменьше им с Иванычем на даче возиться, в санаторий съездить, мир посмотреть. Ну, какой мир, Леночка? Вот их мир, вот эти вот шесть соток. Когда эта дача появилась, Ирина Сергеевна сначала как-то взгрустнула: вот ей под пятьдесят уже, у станков настоишься, дома

наломаешься, после работы дача – пашешь как собака без просвета. Думала, дети вырастут, уйдут на пенсию... Ну, вот ушли. Разве это жизнь? А потом как-то... Друзья все здесь оказались, родственники рядом участка взяли, очень удобно и хорошо – все видимся, не то, что в городе.

Ирина Сергеевна – она сама, если забыли, деревенская. Родилась в деревне, после школы только в городе оказалась. Восьмилетку окончила и поехала в техникум поступать. Валя, ее сестра младшая, та сильно хотела десять классов окончить, сильно просила мать, чтобы ее в деревне оставили. Осталась наша Валя жить в людях ради аттестата. Потом стала портнихой и жила как белый человек. А сейчас – вот она, рядышком. Вон ее участок, если покричать, Валя ответит – это у них как телеграф, мобильная связь тут плохая.

Вот и получается, что жизнь, она круг совершила – вышла Ирина Сергеевна из деревенской грязи в городские князи, а потом снова к земле вернулась. Теперь все, с землей до конца быть надо. Сколько сможет Ирина Сергеевна, столько и будут с Иванычем ковыряться. Если вдруг какие катаклизмы опять в стране – с едой ли там, с работой – как эта Леночка, мать ее эти, выживать-то будет? Ничего же не умеет. Пять минут землю лопатой поковыряет и за спину держится. А у Ирины Сергеевны спина не болит, ей дача лучше всякого санатория. Они еще с Иванычем всех спасут. Иваныч вон погреб забетонировал, чтоб попрохладнее. Скважину свою бурить собираются, мотоблок купили – зарплату Иванычеву

зря не фуфыкали. Всех, всех спасем, прокормим, выучим, если что. У Олюшки в этом году поступает, у Леночки – в следующем. Джип только этот отвалить, привязался, понимаешь, как ворон. Нет, все. То я ему еще говорила, что подумаем, а теперь только отказ. Сами еще тут поживем.

Резьба

Вы же тоже слышали такое, что человек приходит в эту жизнь не просто так, а для чего-то. Что у каждого своя функция, предназначение. Ну, как будто бы каждый, давайте признаем, это какой-нибудь инструмент. Кто-то, например, кувалда, а кто-то – кисть.

Я иногда думаю, что все мои трудности возникают из-за того, что я не следую своему предназначению. Будто я стетоскоп, который хотел быть телескопом. Вместо того чтобы писать нетленки, наколачиваю на клавиатуре десятки тысяч знаков газетной, пиаровской, копирайтерской подёнщины. Будто я карандаш Господа Бога. «В этом месте Бог водит моей рукой, потому и почерк у меня не такой». Не помню, кто написал, Яндекс не нашел. В этом месте водит, в этом не водит – смешно же. Либо водит всегда, либо не водит никогда. Ты уж определись.

Так что я уже и не карандаш. Я – шуруп. Шуруп – это, конечно, никакой не инструмент. Это крепёж. Скреплять что-то с чем-то – миссия, конечно, важная, но для самого шурупа бессмысленная. Быть шурупом приятного мало.

Нет, поначалу-то, конечно, оно и ничего. Пока ты молодой шуруп и ни к какому делу еще не прикручен, хорошо тебе громыхать с другими шурупами в какой-нибудь просторной коробке. Ждать, когда тебя прикрутят наконец к настоящему делу. Может быть, дырку под тебя просверлят в какой-нибудь всемирно важной стене – Великой Китайской, кремлевской, капитолийской, кремниеводолинской и тэдэ. И ты в нее так ладно ляжешь, и будешь горд и счастлив. Хорошо бы вклепаться в какую-нибудь мощную историю, пришурупить к какому-нибудь крутому изобретению. Не знаю, есть ли шурупы в конструкции CrewDragon или «Протона», но вот туда бы. Коротко, мощно, ярко – хорошая биография. Каким-нибудь простым дерзким саморезом, когда сам вгрызаешься, тоже нормально.

А потом начинается. Раз уж ты шуруп, у тебя есть голова, она небольшая. Мозга в ней чуть, но он есть. И вот тебе говорят: «Ну, давай. Мы нашли для тебя подходящее отверстие». И ты думаешь: «Ну ок. Давайте попробуем». Строишь на то, чем тебя сейчас будут вкручивать, и думаешь: «Что это, у вас – отвертка? Хорошо, что я не гвоздь. Тому вообще бац по башке, голова всмятку, навеки мозги отшибли с одного удара».

И еще думаешь: «Эээ, чуваки, а разве не я тут выбираю? Не бетон этот вот, хотелось бы хайтек – это концептуально, или туф, известняк какой-нибудь – не так жестко, мрамор – твердо, но зато благородно. Ствол пальмы или бамбука где-

нибудь потеплее, грунт помягче, крутите нежно. Можете вообще в море бросить, в горах оставить».

И начинается. Вкручивание шурупа в скальную породу жизни – дело долгое и утомительное. Это если простой от-верткой. Которой ковыряются у тебя в голове. Но у нас тут все ускорилося, когда нарисовался на горизонте шуруповерт. Теперь все очень быстро, почти как с гвоздем: один вжик, и ты намертво засажен. Теперь на тебя хоть картинку вешай, хоть коврик, хоть грунтуй под подкраску.

Но все же в мире относительно, и для самого шурупа один вжик шуруповерта тянется как не знаю что. Трудно прожить день за днем, ощущая, что тебя вкручивают в твердую, недружелюбную поверхность, из которой не выбраться без посторонней помощи, все глубже и глубже.

Что вот эта твоя винтовая нарезка – она враг тебе, это из-за нее сцепление с породой такое прочное, такое не выпрыгни, не-отыграй-назад. Это гладким гвоздям хорошо: раскачался – выскользнул, бывает у них такое. Или канцелярским кнопкам – у них жало короткое, ни в чем не держатся, сами отваливаются.

То, что ты прочный, надежный, не на пять минут бумажку прикрепить, так себе самоуспокоение. Фигли толку с твоей надежности, если ты не свободен, света белого не видишь, торчишь как пень на одном месте и до ближайшего собрата не доораться – порода гасит любые звуки и колебания.

И вот ты уже ушел в это бетонное основание по колени,

по пояс, по плечи. До глаз дойдет, и больше ничего не увидишь. И вот уходишь еще на пол-оборота, еще... тоскливо думаешь: «Неужели всё? Может, придет ещё кто нормальный с отверткой – вывернул был тебя, рассмотрел, сказал: «Годный еще шуруп», бросил бы в коробку. Или привязал веревочку, носил бы в кармане (это почти как за пазухой) – отвесом бы сделал, всё не в стене торчать по самую шляпу. Или бы переплавил в пулю, не знаю, в канцелярскую кнопку, в наперсток, в монету. Чужая жизнь всегда заманчивей. Но мы, шурупы, не можем знать, на что жалуются пули, наперстки и монеты.

Господи, верни меня из шурупов обратно в карандаши. Хотелось бы думать, что мы все-таки то, кем себя ощущаем, а не то, какую форму нам придали и с какой устрашающей хренью стоят над нами, правда?

Я даже не знаю, что хуже: источиться до никуда не годного огрызка или застрять навечно в том, в чем не можешь пошевелить и пальцем. Да, когда я была карандашом, с меня снимали деревянную рубашку, и пишущего вещества становилось все меньше, но я хотя бы могла на что-то влиять: букв больше или меньше, почерк как у уставшего доктора или как у старательного первоклассника, нажим сильнее-слабее, смысла больше-меньше в написанном, зачеркнуть-стереть-исправить. Зато шурупа, если уж вкрутили, если уж принял свою скованность, никто не трогает. Если не сыро, то и ржа не берет. Помоги уже определиться, а.

Из моего стула все время вываливается болт. Я сначала вкручивала его обратно, потом он и вкручиваться перестал, лежит теперь на столе, презрев свое предназначение, другие за него отдуваются.

Может, будь как болт? Вывернись и валяйся, все равно не выкинут – с виду ты хорош, полезная вещь.

Хроменькая уточка

Если меня спросят, умею ли я писать рассказы, то я, скорее всего, отвечу, что не умею. Могу еще при этом сказать, что я вообще писать не умею – не только в смысле книги писать, но и ручку держу уже с трудом, что, кстати, истинная правда. Сегодня писала заявление на возврат денег за школьное питание, такое ощущение, что держала ручку прямыми, негнушимися, совершенно непривычными к письменному труду пальцами.

Но потом я вспомню, что те рассказы, в которых ничего придумывать не надо, я вроде как писать немного умею. Люди нашей профессии тащат в полосу все, что ни попадетя.

Тем более, всё то, что и придумывать не надо, происходит рядом с тобой. Шекспир, покури, такие у нас тут дела творятся.

Написала в ватсап соседка Женька: «Фигли спишь и ничего не знаешь, тоже мне пресса! В вашем подъезде убийство, хоть бы рассказала что!!!!»

Ну, Жень, серьезно, что ли? Убийствам на районе мы пе-

рестали удивляться еще до наступления лихих девяностых. Первой жертвой на моей памяти стал сосед Шурик, года на три меня старше. Было это в конце восьмидесятых. Старшие ребята рассказывали, что на нашем школьном стадионе происходили кровавые побоища район на район. Трудно было представить, что ночью тут хлестались не на жизнь, а на смерть, а утром мы вышли бегать семь кругов, чтобы получить «пятаяк» по физкультуре. Но убили Шурика не там.

Шурик жил этажом ниже, у него была младшая сестра Регинка. Наши мамы дружили, а потом разосрались по дурацкому поводу. Дело в том, что тогда считалось запросто и вполне приличным пообедать где-нибудь у друзей или соседей. Пришел в гости – наварнул борща. Пошел гулять – вынес полбатона с вареньем на весь двор. Мы так однажды газировку из горла всем подъездом попили – заработали стоматит.

Когда мама Шурика уходила на сутки, а Регинка была в детском саду, Шурик приходил домой к нам обедать, и моя мама даже (вроде бы) давала ему ключ от квартиры. Иначе как объяснить ту историю с куриным супом, когда никого из нас дома не было. Однажды Шурик пришел к нам обедать и перевернул кастрюлю с куриным супом, а свалил все на меня. Моя мама обиделась – мы же его кормим, а он на нас еще и сваливает? С этого дня наши мамы не разговаривали. С Регинкой мы теперь почти не общались – слишком мелкая, а Шурик отпочковался во взрослую компанию старшекласс-

ников.

Но убили его не за лапшу, размазанную по полу между плитой и шкафчиком, и не за вранье. До нас, младших «дворняжек», о гибели Шурика дошла следующая легенда. Жила у нас на районе одна красавица старшего школьного возраста. Кто такая, убей не помню, даже представить не могу, кто это, чтобы из-за нее стрелялись. Помню только Свету Констанцию. Света была дурочка со справкой, любила клеиться к парням и петь песни «Джимми-Джимми, ача-ача» и «Констанция, Констанция, Констанция». Света была безобидной пампухой, но считала себя настоящей фам-фаталь.

Не знаю как, но у той красавицы появился кавалер не с нашего района, а вообще солдат и, возможно даже, офицер, какой-нибудь лейтёха. Уж не знаю, имел ли на нее виды сам Шурик, или пацанам с Мастеров в принципе не понравилось, что к местным девушкам подкатывают разные военнослужащие. Солдату забили стрелку, он приехал с подкреплением, и была стрельба, а погиб только Шурик.

В девяностые мой будущий зять работал вневедомственным охранником в одном нашем круглосуточном продуктовом магазине и тоже рассказывал много интересных историй – про забулдыг с «розочками» и про девушек, пачками выпадавших из окон «малосемеек». Потом зятя взяли работать в милицию, и мы с его помощью проверяли всякие ужасные криминальные слухи нашего околотка:

– Ром, посмотри по сводкам, правда, кто-то в гараже опять

задохнулся?

– Ром, а было что по сводкам, у нас сегодня ночью в подъезде орали, по железным дверям колотили – все ли живы, кого закрыли за это безобразие?

После Женькиного сообщения я тоже написала Роме. Рома ответил: «Я сплю. Не мое дежурство. Завтра посмотрю».

Женька снова написала: «Менты приехали, у магазина опрашивают. Тут говорят, что парень с седьмого этажа, а девушка – со второго».

Я так хорошо знаю своих соседей, что долго не могла вкурить, кто кого у нас тут мог уколошить и по какому поводу. Есть Миля – женщина-бухарь, соседские дети сообщали, что видели ее гулявшей в трусах и футболке. Миля любит всех цеплять по синему делу, но не убивать же ее за это. Тем более, она уже лет тридцать как не девушка. У Мили есть бойфренд-бухарь, но он из другого дома. А тут, по рассказу Женьки, оба фигуранта были из нашего подъезда. Жил у нас в подъезде один парень, весь в тюремных наколках, тощий, с виду тихий, курил на балконе, но его несколько лет не видно. На первом этаже жил Джуся, дилер каннабиса, но того уже ого-го сколько лет как не видать. Над нами наискосок на девятом был притон, в котором варили «крокодил», но притон лет восемь назад прикрыли омовцы, квартиру продали и там живут приличные люди, только собачка у них воет от одиночества. Прямо над нами жили две стокилограммовые тетки, которые любили много пить и громко плясать

– так громко, что люстры качались, и штукатурка сыпалась, а еще дрались и громко падали. Но потом сильно расплодилось и переехали в частный дом. И это у нас еще нормальный подъезд, никого даже по-настоящему убить не хочется. Вот на рубеже девяностых и нулевых мы жили пару лет в другом районе, там всегда лифт не работал, и если под утро из клуба идешь, то штук пять нариков перешагнуть по пути на свой девятый этаж приходилось. Глаза зажмуриваешь и идешь, только бы не очнулся и за ногу не схватил.

Но Женька же всего этого не знает. Женьке тридцать с небольшим, она девяностых, можно сказать, и не видела.

В таких случаях, когда следствие заходит в тупик, я делюсь сплетнями с мамой. Мама давно уже живет в другом доме, но кое-какие информаторы у нее, видать, остались. Проходит день-два, и мама выдает полную версию произошедшего.

– Парень-то, знаешь, кто?

– Тимофей?

– Ты чо, какой Тимофей, Тимофей сюда только к родителям по праздникам приезжает.

– Вадик?

– Эй, ничего не Вадик!

– Толстый Эдик?

– Эдик не из вашего подъезда.

– Кто тогда?

– На седьмом медсестру знаешь? Зять это её.

– Вообще на него не подумаешь. А убил-то он кого?

– Ну эта, хромоножка-то ваша. Он в гараже был, возился там, машину выкатил. Она к нему пришла и стала приставать – типа любит, и все такое-прочее. Он ее оттолкнул, она упала в яму, ну и, видать, головой стукнулась. Он испугался, гараж закрыл и убежал. Через три дня открыл, она всё. Она, похоже, сразу была всё. Он пошел, сознался. Короче, убийство по неосторожности или как там.

Я вспомнила эту девушку. Я не знала, как ее зовут, и называла ее Хроменькая уточка. Помните, была такая сказка, ее дети в младших классах проходили? Там еще хроменькая уточка обращалась в девушку, а бабка с дедом сожгли в печке ее перья, перьев ей потом утки насбрасывали, и она с ними улетела. Наша Уточка тоже теперь улетела в лучший мир. На вид нашей Уточке было лет семнадцать, хотя теперь вот выяснилось, что двадцать семь. С головой у нее было не все в порядке, с внешностью тоже. Хромота, скорее всего, была следствием ДЦП. Тошная, нос уточкой, рот большой, голос тонкий, лицо в прыщиках. А любви, видать, хотелось.

Господи Боже, ты вообще нормальный? Прибрал Уточку раньше времени, проявил, называется, милосердие. Неужели нельзя было парню этому в голову мысль втиснуть, что надо как-нибудь уболтать ее, отвести в магазин, он у нас тут рядом с гаражами, купить ей мороженое и сказать: «Я женат, Уточка, ничего у нас с тобой не получится. Посмотри вон лучше на толстого Эдика, он очень-очень одинокий».

Уж не знаю, Господи, за что наказуешь медсестриноного зятя, но уж Хроменькую уточку точно не за что. Есть у нас на районе дурочка Таня. Внешность у Тани пугающая – ведьминская, цыганистая, зубов мало, и взгляд горит огнем безумия. Таня зарабатывает на хлеб тем, что убирает дорожки возле киосков. Зимой чистит снег, а летом сметает пыль и мусор в кучки, а потом эти пыльные кучки начинает руками перетаскивать в урны.

Даже у Тани была любовь – рыжий Вова с провалившейся переносицей, который куда-то делся, говорят, что умер от туберкулеза. Работали они у киосков вместе, и Вова ругал Таню, что не надо грести мусор руками, где совок опять твой, Танька. Таня и раньше была беспокойная, но когда осталась без Вовы, совсем, видать, с катушек слетела. Я видела, как Таня запустила веником в спину женщине, которая промахнулась фантиком мимо урны – ветер дунул, фантик улетел, Таня завопила и метнула веник. Таню я побаиваюсь и хожу бочком мимо киосков. Но что-то Ты не отправляешь Таню в яму головой вниз.

Все, чего хотела Хроменькая уточка, немного любви и простого человеческого счастья, а Ты ее головой приложил руками медсестриноного зятя. С одной стороны, поступил гуманно – Ты ж наверняка знал, что любви Уточке в этой жизни не обломится. Но, с другой, зять-то тут причем. Он любил медсестрину дочку, утром они вместе выходили на работу, возил тещу на дачу.

У нас на районе много сумасшедших: толстый Эдик, дед с седой шевелюрой и в плаще и его уже седая дочка, бабушка, которую я называю мама Бори... А тех, кому любви нужно, еще больше. Многим на роду написано, что век замужем не бывать, некоторые вон разводятся на ровном месте через двадцать лет. Если всех головой прикладывать, то так и людей у Тебя не останется.

Можно ли все это дело – ну, с любовью – устраивать так, чтобы никто ни на кого не бросался, не убежал, не отбивался, не стрелял в Шурика? Шекспир вот сейчас в гробу перевернулся, он на этом имя себе сделал.

Ты вот скажешь, что все эти страсти, они от дьявола. Но Ты же сильнее дьявола, правильно? Все равно Ты всем управляешь, дьявол так только. Как ни крути, это всё – проявления любви к ближнему, её искания, только уж в формате «перебор». В общем, раз не даешь людям любви ближнего, тогда не давай и мучений по этому поводу, – уж прости, выскажусь. Рот у меня большой, вот слова-то и выскакивают. Голос у нас тут у многих писклый, ножки короткие и ковыляем смешно. Уточки. Носом своим тычемся, любви ищем, хоть в семнадцать лет, хоть в сто пятьдесят. И в уме, и в безумии, и вовеки веков.

Бог моря Танатос

Конечно, я знаю, что бог моря – Посейдон, а также Нептун, чего вы сразу вскинулись. Но иногда еще и Танатос.

В моей жизни было два серьезных эпизода, в которых я почти стала жертвой насилия. В первом насилие почти состоялось, и этот эпизод поначалу воспринимался очень остро, но потом как-то стерся, стал не таким болезненным, и что о нем теперь рассказывать. Не Вайнштейн же меня домогался, а аспирант вуза, правда, теперь профессор. Я не была его студенткой, я была вольнонаемной в археологической экспедиции. Хрен с ним. Бог за меня разберется, если уже не. Ну, или простит.

Во втором то насилие, которое было задумано, не состоялось, но очень сильно витало в воздухе. Там был целый каскад плохих историй за один короткий временной отрезок. Мы счастливо всего избежали и потом вспоминали со смехом, похваляясь своими веселыми приключениями. Вытесняли, видимо, мысль о том, что нас могло и не быть на белом свете после этого.

Двадцать лет назад мы с Зойкой, которая вылитая Моника Белуччи, только версия блонд, отдыхали на юге. Нам было по 25. В первом или во втором классе, я помню, мы решали примеры: отнимали от 2000 года свой год рождения – 1975-й, и так узнавали, сколько нам будет лет, когда наступит коммунизм. Выходило, что прискорбно много, мы будем уже очень старыми, и пожить при коммунизме не успеем.

В 2000-м коммунизм, разумеется, не наступил, но выпал шанс недорого отдохнуть на море. Первый раз в жизни. За две тысячи рублей – это за всё, кроме вина, которое там еще

предстояло выпить. Чтобы вы понимали порядок цифр, две тысячи рублей это была моя зарплата за целый месяц. Когда я поехала на море во второй раз и повезла туда свою семью спустя 18 лет, мне уже понадобилось денег раз примерно в сто больше.

С собой на юга я звала Машку, она не такая беллучистая, и с ней таких приключений точно бы не было. Но ее не отпускала работа, а вот Зойка выразила горячее желание составить компанию. Зойкиному порыву я не обрадовалась: Зойка когда в шубе по улице идет, от мужиков не отмахаться, а если купальник наденет, то считай испорчен отпуск. Но одной ехать тоже было как-то не очень, особенно несколько суток в поезде до Краснодара.

Группа у нас подобралась просто загляденье. Молодожены, которым все были до лампочки. Семья с маленькой девочкой, у которой слишком плохо проходила акклиматизация. Молодая мама с сыном лет 12, который вел себя, как муж-ревнивец. Пожилые супруги. Аниматорша, которая сначала пыталась всех раскачивать играми для первого класса, а потом плюнула и целыми днями загорала на веранде. Дом был хорош: вся эта шайка отдыхающих рассосалась по трем этажам, и мы пересекались только за ужином и завтраком. Кормили супер.

До пляжа было семь километров, если в обход по виноградникам. Мы с Зойкой решили сходить напрямую к морю, посмотреть, есть ли спуски. Там был обрыв высотой с пару

девятиэтажек, в море можно было только упасть камнем – один раз и навсегда. Хозяева организовали доставку туристов на пляж строго по расписанию. Мы с Зойкой не хотели по расписанию, мы хотели утром дрыхнуть, вечером пьянствовать и плясать на дискотеках. Дом наш стоял в деревне, и с дискотеками было не очень. Ближайшие танцульки были только в баре на пляже – на том, который за семь километров. Мы с Зойкой решили: фигли, фитнес! И дважды в день ходили туда пешком.

На третий или второй день на Зойкину витальность клюнул Леха – сын хозяев, около 30 лет, разведен, привез на лето дочку к родителям. В обычной жизни таксист, по виду бандос: пузо, цепь, манеры, бритая голова. Леха предложил нам поехать на танцы. В гараже у хозяина стояли советская легковушка, старый микроавтобус «Фольксваген» и автобус типа КВЗ – такой, с «мордой». Его-то Леха и предложил нам в качестве кареты. По пути на танцы мы заехали за Лехиной местной невестой в какой-то санаторий.

В баре было весело: Леха пил разные напитки, закидывал всех троих по очереди на барную стойку, потом мы сами бросались в море. Бармен просил приезжать еще – жизнь его, видимо, как-то оживилась с нашим появлением.

По дороге домой Леху остановили гаишники. Только представьте: глухая кубанская ночь, виноградники, темень – и машина ДПС. Как мы поняли, Леха тут уже успел накурлесить, и его пасли и поджидали. Леха с криками: «Это не

моя машина!» выкинул ключи куда-то в виноградные лозы. Как мы добрались в пансионат, я плохо помню. Скорее всего, нас отвезли люди в погонах.

В принципе, Лехиноgo общества нам было достаточно. У него была местная подруга, рядом были его родители и другие отдыхающие, днем ему нужно было работать в пансионате – возить продукты и туристов на пляж и на экскурсии. Леха не искал секса, он просто хотел веселиться.

Лучше бы Зоя ходила на пляж в шубе, вот честно. Потому что на Зою клюнул Колян. Колян был местный, у него была «шестерка», и он предлагал свои услуги по частному извозу – подвозил от пляжа до пансионата. А денег не брал, хотя мы предлагали. Что там, семь километров.

– Зоя, может, нафиг его? Давай его пошлем, не исключено, что расплачиваться попросит, догадайся чем.

– Ты всего боишься, он нормальный, я же вижу. Ну, ему нравится с нами общаться, пусть возит. Давай съездим с ним в Геленджик.

– Зой, но только за деньги.

Вообще, конечно, надо было договориться с Лехой или попросить какого-нибудь деревенского деда. Но Колян терся каждый день рядом с нами на пляже, услышал, что мы напустили лыжи посмотреть Геленджик, и сказал:

– А поехали прям завтра? Ничего не надо, какие деньги. Нам по делам надо в Геленджик. Вы погуляете, потом мы вас заберем.

– Зой, – пыталась я отговорить ее вечером. – Давай не поедем.

– Ты как хочешь, а я поеду, – сказала эта упертая коро-ва. Я представила, как я приеду домой одна и буду оправды-ваться перед Зойкиной мамой за то, что какие-то местные открутили ее дочери голову. Бросить Зойку я не могла.

В Геленджик вместе с Колянком поехал его друг.

– А вы жарили мидий на костре? – спросил как-то Колян.

Жарили ли мы мидий на костре? Видели ли мы вообще мидий, хотите спросить. Да мы креветок первый раз в жизни у вас на базаре тут увидели. Весь базар учил нас креветок вареных чистить.

Колян сказал, что они заедут за нами вечером после ра-боты, потом поедем в одно место – мидий же еще наловить надо. Приехали в какие-то прибрежные пустоши, мидий не было, пожгли костер, стали собираться домой, пока не стем-нело. Пока ехали, на кубанскую землю рухнула непроницае-мо-черная ночь. Машина остановилась.

– Ну че, девчонки, давайте. Сколько с вами кататься мож-но?

Чего давайте, чего давайте? Денег дать можем, а больше ничего.

«Нужны нам ваши три копыя». Они сели в машину и уеха-ли. А мы остались.

Ночи на Кубани – просто глаз выколи. Мы не знали, где находимся, даже луна была против нас и в ту ночь не свети-

ла. Трещали насекомые, вокруг была то ли степь, то ли виноградники – даже этого в темноте было не разобрать. Где-то сбоку в темноте дышало море, и было ясно, что в ту сторону точно идти не надо, тут везде побережье – один сплошной обрыв. Если там сразу море, то не найдут никогда.

Мы пошли куда-нибудь. Когда-то же эта тьма должна закончиться, утром станет ясно, где мы и как отсюда выбирать-ся.

– Смотри, фонарь, – сказала Зойка.

Действительно, путеводной звездой в темной кубанской ночи где-то зажегся одинокий фонарь. Далеко ли до него идти, тоже было неясно.

– А у нас есть варианты?

Протопав неизвестно сколько, мы с Зойкой очутились на празднике. Какая-то рыбацкая артель отмечала день рождения бухгалтерши. Мы вышли на свет праздника и сказали, что заблудились. Вид у нас был еще тот: шорты и майки, шлепанцы, в сумках полотенца и купальники. Нас усадили, стали кормить, жалеть и наливать. Кроме бухгалтерши была еще одна тетка, остальные – суровые труженики соленых морских полей.

– Пойдемте, покурим, – сказал нам Зойкин сосед. Мы сказали: «Нет». Он сказал: «Надо» и потянул Зойку за руку. Сумки, сказал, возьмите.

Мы пошли с ним за сарай, вокруг сушились сети, валялись большие стеклянные пузыри.

– Слушай, – сказала Зоя, – тут деревня или санаторий далеко?

Парень, а это был такой парень, как будто из фильма «Пациенты» Валерия Приемыхова, докурил и сказал:

– Надо валить отсюда срочно вам. Сейчас теток домой повезут, тут только мужики останутся. Поняли, да? Я домой собираюсь. Лучше вам со мной уйти по-тихому.

Нам два раза повторять не надо было. При любом раскладе, один парень всяко лучше, чем артель рыбаков. Прячась в тени сараев, мы пошли за ним.

Когда мы вышли на дорогу и прошли минут с пять, он начал сталкивать нас в какую-то придорожную канаву и сам скатился за нами.

– Ты чо? Прямо здесь? – начали верещать мы.

– Рты закрыли. Прижались быстро. Вас сейчас на моцике искать поедут.

Действительно, там, откуда мы только что ушли, затарахтел моцик. Те, кто на нем ехал, ругались последними словами, называли нас блядьми, а нашего спутника – гребаным пидорасом. Мы сидели в колючей пыльной траве и натурально молились – я видела, как у Зойки шевелились губы, а глаза были круглыми от ужаса. У меня наверняка тоже. Молитвы наши были неумелыми, просто «спаси» да «пронеси».

Приемыховский парень привел нас к себе домой. В доме спали его родители. Он сказал: «Мамка, это я» и повел нас в свою комнату. Мамка захрапела в ответ.

– Спите, утром я отведу вас на автобус, который возит доярок на ферму, на нем доедете.

И ушел.

Мы с Зойкой остались сидеть на кровати. Какой тут сон. Шептались, пережевывая эту историю, не могли поверить, что так дешево отделались. Решили, что утром дадим парню полтинник, больше у нас с собой не было.

Дом был глиняный, очень скромный, по-моему, даже пол был земляной. Мы как будто снова оказались в домике Лермонтова в Тамани. Вышла луна, светила голубым светом сквозь куст герани на подоконнике. Чувствовали себя Печориным, которому не спится, сейчас мелькнет тень за окном, и он попрется выслеживать контрабандистов.

Но мелькнула другая тень – вдруг вернулся наш спаситель. Судя по запаху, он догнался родительским самогоном.

– Я вас, в натуре, спас. Кто первая?

Мы с Зоей шепотом начали давить на жалость: «Ну, ты же такой добрый, ну как же так. Давай сначала поговорим, расскажи о себе, чтобы мы хоть знали, за чье здоровье свечку поставить...»

– Я откинулся с кичи недавно, – сказал парень. У меня, да и у Зойки внутри все похолодело.

– Меня участковый по малолетке сильно прессовал. Я решил ему отомстить и хату его вынес. Он меня закрыл на три года.

Спасибо тебе, Господи, не убивец и не насильник, про-

сто вор. Парень еще сходил за самогоном, рассказывал про то, что любви после зоны хочется, а вокруг одни лярвы, вот вы вроде ничего. Выпьем? Нет, спасибо, хватит. Вы меня не уважаете? Очень, очень уважаем. Краем глаза мы смотрели в окно, чтобы там поскорее засерело утро. В пятом часу мы потребовали, чтобы он вел нас на автобус. Думаю, понятно, какими взглядами встречали и провожали нас доярки, какие отпускали словечки – мы себя чувствовали распоследними падшими женщинами.

Зойка потом говорила: «Нам везет. Все обошлось, а ты переживала. Проще смотри на такие вещи, учись с мужиками общаться».

Я была готова сама открутить ей голову – ни хрена себе, съездили, называется, море посмотреть.

Бог моря явил нам себя той ночью непроглядной теменью, шумом волн в темноте, дыханием смерти и полной дезориентацией: только земля была тверда под ногами, а море, казалось, шумело со всех сторон. И этого бога точно звали Танатос, а не Посейдон. Если бы мы пошли на этот его зов, решив, к примеру, искупаться, смыть с себя липкие чужие прикосновения и взгляды, то точно скovyрнулись бы с обрыва. Вся эта ночь была несостоявшаяся погибель, последнее китайское предупреждение, почти гарантированные кранты. Трижды пройти по грани за одну ночь – ни хрена это, Зоя, не везение. Просто Господу Богу были еще нужны зачем-то наши тупые тыквы, вот что это. В чудном облике, Господи,

являешь ты нам своих ангелов. Имени его не помню. Зачти ему двух дур, когда будешь думать, куда его отправить.

Наш отъезд мы отмечали в баре на пляже – позвал Леха. Колян издали увидел нас, сел в машину и уехал. Проверял, явимся ли мы? Искал новых куриц?

– Вот сука, – сказал Леха.

Каррамба

И разверзлись бездны ада и его земных филиалов.

Первым пришел Игорь, 45.

«Жена живет уже месяц у своей матери. Замутим?»

Вторым пришел Петр, 52.

«Говорю сразу – пойдешь в любовницы?»

Третьим пришел Джоэл, 47, Гонконг. С рыжим песиком породы померанский шпиц. Такой мимими, невозможно было не лайкнуть.

Игорь был послан, Петр тоже. С Джоэлом сразу было все понятно, но Ира решила попрактиковаться в английском. Ира тапнула по фотке Джоэла с песиком, сайт предложил поискать фото в Яндексе. Ира согласилась и уже через минуту знала, что рыжий песик принадлежит никакому не Джоэлу, а доктору Керему Бикмазу, Турция.

«Интернет пишет, – наклепала кое-как Ира на корявом английском, – что это фото принадлежит другому человеку, турецкому доктору».

«Я доктор, – ответил Джоэл. – Сейчас я в Гонконге, но

скоро поеду в Турцию».

Ну, конечно, подумала Ира, вот ты шляешься по миру в эпоху пандемии.

«Это фото твое?» – продолжала в меру своих способностей Ира.

«Конечно, мое. Джоэл – это мое английское имя».

Ну-ка, решила Ира, посмотрим, что там за доктор Керем Бикмаз. Доктор оказался вполне себе, и было совсем не похоже по его инстаграму и прочим соцсетям, что он ищет пару на богом забытом сайте знакомств, причем в русскоязычном его сегменте.

Ира еще немного поискала и еще через минуту знала, что фото турецкого красавчика-доктора уже не первый раз используют разные проходимцы.

Джоэл тем временем вызнал, какой родной язык у Иры и перешел на корявый русский.

Ира хоть и была тургеневской девушкой, но жизнь успела сделать ее достаточно циничной особой. В ее душе сам собой проснулся жестокий тролль, и Ира стала писать Джоэлу, какой он прекрасный мужчина, он не должен быть один, а она давно не верит в сказки. Джоэл попытался было вякнуть в ответ, что некая девушка разбила ему сердце, потому что он подолгу пропадает в своей больнице. Что он ищет ту, которая примет его таким, каков он есть, и они вместе уйдут в закат. Но Ира писала: «Нет-нет-нет, я тебя недостойна, я жадная собственница, и никуда не буду тебя отпускать, твои

больные будут страдать, твое начальство будет тебя наказывать (корявый инглиш!), ты такой прекрасный, но беги от меня так быстро, как только сможешь, а то ведь могу и догнать».

Джозел понял, что каши с Ирой не сварить, поэтому свернул беседу – написал, что его срочно вызывают в клинику и заблокировал Иру.

Ира уже пожалела, что так быстро свернула беседу с Петром, который звал в любовницы. «Нет, просто интересно, как вы с этим справляетесь – две женщины сразу? В вашем-то возрасте. Как все это будет технически устроено: кто к кому, когда, во сколько, какие плюшки кому достанутся?» Любопытная могла бы получить беседа, с антропологической точки зрения.

Так прошел первый день Иры на сайте знакомств. Целую неделю ей больше никто не писал. Ира сама написала понравившемуся мужчине (женщина должна быть активной на таких сайтах, пишут в своих статьях модные психологи). Она прочекала его по фото и воодушевилась – мужчина оказался настоящим, стоящим, с честным статусом «разведен», с хорошими, правильными увлечениями. Он даже дал ей свой телефон, а Ира ему свой, но дальше «Привет, как дела? – Норм, а у тебя?» переписка не продвигалась, интереса к своей персоне с его стороны Ира не ощущала. Ну что ж.

Ира сделала вывод, что даже на сайте знакомств она никому понравиться не может, и удалила анкету.

Но потом, спустя несколько дней, по дороге на работу Ира сделала удачное селфи, удачно наложила на него фильтры и решила восстановить анкету. А чего такая красота пропадать должна?

Ух, как боялась Ира регистрироваться на этом самом сайте «Каррамба». Было страшно, что на ее (фильтр «нежность») фоточку слетятся сексуально озабоченные мужчины, закидают фотками своих пенисов и нескромными, да что там, откровенно пошлыми предложениями. И Ира вновь уйдет с гордо поднятой головой. Или найдет кого-нибудь нормального и уйдет с ним.

И тут ей привалило столько мужского внимания, что Ира порядком пришалела. Ира не успевала проверять фотки поиском Яндекса, вела переписку с тремя одновременно и чувствовала себя продажной женщиной, выставившей себя в витрине в каком-нибудь квартале красных фонарей. Так-то бы Ира сбежала уже через пару часиков от всего этого дурного изобилия. Но Ирин тролль, уже вкусивший внезапного мужского внимания, изрядно окреп, осмелел и нашептывал в ухо: «Ирка, давай еще посидим, ну давай. Хоть повеселимся».

Все мужчины во первых строках своих пылких посланий просили Ирин телефон и предлагали/спрашивали про секс. Тут к Ире стали заглядывать еще и «пионэры» – мужчины в возрасте 27-35 лет. Ире они были ни к чему. Ира свое место знала. Она искала мужчин своего возраста (45+) или чуть

старше, с простыми, добрыми открытыми лицами, без дорогостоящих увлечений, которые легко определялись по фото (горные лыжи, байки, курорты). Ира пыталась угадать единственного, настоящего, нормального, а не вот это вот все, что сыпалось в ее аккаунт и было «даром не надь». Самые смелые стучались в личку.

«Чуешь, Ирка, – нашептывал тролль, – как растет наша самооценка?» Ира чуяла, как растут ее котировки на этом разудалом рынке невест. «Красивая и приятная женщина» – писали ей. Ира понимала, что за этими словами не стоит ничего серьезного, но они здорово тешили ее самолюбие. В качестве терапии, в гомеопатических дозах сайт «Каррамба» принимать можно, решила Ира. Так-то, знакомиться на сайте – идея хорошая.

Сначала Ира долго держала тролля на привязи и отвечала честно и сдержанно. Да, давайте сначала пообщаемся здесь. Да, я много работаю, и у меня немного времени, но для хорошего парня оно всегда найдется. Да, все будет, и секс тоже, мы же взрослые люди, только давайте соблюдаем некоторые формальности – встретимся, пообщаемся. Тургеневская девушка пока одерживала верх над ехидной троллятиной, которая рвалась на свободу.

Тут несколько претендентов прошли первое собеседование в чатике «Каррамбы», и Ира стала отвечать согласием на предложение очно встретиться. Да, давайте – светлым днем, в общественном месте. Например, завтра. Не можете? Тогда

послезавтра?

Дальше началось непонятное: один срочно уехал в путешествие, другой в командировку, у третьего заболели ковидом все родственники, четвертый сливался без всяких внятных причин: устал, дождь, внезапно подкинули работы.

«Вы что там все? – недоумевала тургеневская. – Это у вас такой вид вечернего досуга, что ли? Лежа на диване, чатиться про секс???»

«Ирка, это неспроста! Мочи их!!!» – заметался по клетке цепной тролль мадам Ирэн.

Но Ира еще держала его и себя в руках. Так, решила она, чисто из спортивного интереса, нужно добиться хотя бы одной очной встречи, а то что это за позорные сливы. Дело в том, что встречи с людьми были частью Ириной работы. Ира задавала на них вопросы и всегда-всегда получала ответы. Не было такого случая, чтобы Ира не смогла добиться рабочей встречи или остаться без ответов. Ира была почти как следователь. Она чувствовала, где есть пробелы в информации – где напустили туману, а где используют прием умолчания, где есть интерес, а где его нет, где мутный тип маскируется под хорошего парня, Ира знала, как это проверить. В общем, Ира была уверена в своей «оптике».

Тут в Ирин чат написал Арсен. Он писал уже третий день, присылал сердечки, розочки и чашечки кофе, но Ира их игнорировала. В этот раз Арсен написал: «Ты такой красивый женщин». Ира ответила: «Допустим», и Арсена сорвало с ка-

тушек, он строчил как пулемет – то сердечками, то розочками, писал: «Ты моя, я сразу понял», «Я тебя хотеть. Не сразу, но потом». И наконец Арсен начал требовать встречи. Ира решила: ну раз судьба такая – проверить спортивный интерес с Арсеном, то так тому и быть. Тургеневская девушка возопила: «Ира, ты дура???? К кому ты собралась????»

«Ирка, фас!» – сделал очередную попытку отвязаться жирный тролль, черный, как собака Мефистофеля, как шерсть на груди Арсена. Да, были в его аккаунте и такие фотки. Мужчины с сайтов знакомств вообще редко любят фотографироваться одетыми.

«Завтра давай встретимся», – написала Ира. Арсен возликовал и разродился очередной партией сердечек и поцелуйчиков.

Утром Ира первым делом пошла проверять, не сорвался ли Арсен. Не сорвался. Он спросил, все ли в силе. «Да», черкнула весточку Ира. Тургеневская девушка зарыдала и заломила руки. Через час Арсен снова нарисовался в чате, и известия от него не были радостными. Горячий армянский парень тоже позорно сливался: «Я сегодня срочно ехать другой город по мой бизнес». Ну и черт с тобой, отпустила ситуацию Ира. Тролль приуныл, тургеневская девушка выдохнула. Ира скуксилась. Встреча в реале снова не состоялась. Ира ведь считала, что времени как-то совсем у нее нет на все эти хождения вокруг да около. День переписки, ну два, встретились, поняли, что продолжать не стоит – сэкономи-

ли себе кучу времени. Только из этих соображений Ира так рвалась в реал.

На следующее утро вернувшийся Арсен снова нарисовался в чате с розочками, снова стал писать про встречу.

– Давай сегодня, – ответила Ира.

– Не могу сегодня, у меня свадьба, – пришел ответ.

Ну ни хера себе, подумала Ира, свадьба у него. Но написала: «Надеюсь, не твоя».

– Нет, друга сына свадьба, – ответил Арсен.

– Ничего не знаю, – влез Ирин тролль. – Свадьба вечером, сейчас утро. Через полтора часа в сквере таком-то.

Хоть прогуляюсь, решила Ира. Надела джинсы, куртку и кроссовки, по дороге купила себе стаканчик кофе.

Арсен пришел. Предложил пересесть со скамейки в скверике в его машину. Тургеневская девушка завизжала, что Ира попраля все правила безопасности, и упала в обморок. Тролль решил не допивать кофе, а оставить немного в целях самообороны – плеснуть в морду, если что.

«Если что» началось почти сразу. Арсен сразу взял ее за руку и начала ее наглаживать. Ладонь у него была сухая и теплая. Иру уже почти два года никто не обнимал и за руку не держал. От такого внимания Ира еще больше обалдела и поэтому руку из Арсеновой ладони решила пока не вынимать.

Ира думала: «Вот же черт. За русских мужиков-то как обидно, а? Ни один на реал не согласился. Самым смелым оказался армянин».

Они сидели в машине и рассказывали друг другу про свою жизнь – ровно в тех пределах, насколько допустимо на первой встрече. Ира рассказала, что почти двадцать лет прожила в браке с одним мужчиной, а потом брак вдруг закончился. Что бывший муж так-то парень хороший и денег на детей дает – ровно столько, сколько должен давать. Что Ира хоть и разведенка с прицепом, но вполне себе самостоятельная, и свои проблемы (а их у нее теперь вроде как нет) она ни на кого не повесит. Арсен рассказал про себя, что занимается строительством, несколько лет назад с женой и детьми переехал во Францию, год там прожили, что-то там у них не задалось, и он уехал в Ирин город, потому что друзья позвали.

В промежутке между фразами «Ты моя, я сразу понял» Арсен пытался наглаживать Ире то ушко, то шейку, проверил талию невзначай, погладил джинсовую коленку. Ира сказала:

– Ты торопишься. Мне не нравится, когда меня трогает чужой незнакомый мужчина. На это я тебе разрешение не давала. Пожалуйста, держи себя в руках. Давай просто поговорим.

И повторила потом еще раза три.

Арсену этих слов хватало ровно на три минуты. Сыпал комплиментами, звал в кафе, пытался целовать бледные Ирины щеки. Снова тянул руки к коленкам и уже к бедрам. Кофе полился бы в морду, если бы Арсен захотел проверить грудь. Но он что-то не рискнул.

Ира решила, что достаточно уже пообщались, и вышла из машины. Мысленно перекрестилась, что хозяин не заблокировал двери. Весь день после этого на душе было гадостно, ныло в животе, хотя трахнули в основном мозг. Ира решила, что заблокирует Арсена после того, как он напишет в чат «Извини, так получилось, потерял голову» или что-то в этом роде. Всегда надо давать шанс людям проявить себя с лучшей стороны. Но Арсен этим шансом не воспользовался.

Ира решила, что пора удаляться. Но сайт «Каррамба» сообщил ей, что свою анкету она может удалить только через два дня. Ну, тогда потратим эти два дня на веселье, решила Ира, раз ничего нормального у нее тут не получается.

На следующий день «Каррамбу» как прорвало. К вечеру у зарегистрированных там мужиков, видимо, закончился рабочий день, они припали к своим диванам и начали культурно отдыхать, вешая лапшу на уши дамочкам с «Каррамбы». Ире написали сразу трое. Один был вежливый, но скучный, поэтому Ира просто молча свернула беседу. Ее верный троллюшка уже поскуливал в углу и просился погулять на просторах «Каррамбы». Тургеневская уже ничему не удивлялась и молча наблюдала, вышивая крестиком.

И тут пришел Кирилл. Кирилл упорно сворачивал на тему секса, как бы Ира не просила его сперва поговорить на общечеловеческие темы – что любишь, чем занимаешься, как живешь, чем дышишь? Ира давно усвоила, еще на друзья и коллегам, что, если человек дышит каким-то другим возду-

хом, своим он не становится. А тут, на «Каррамбе» ищешь не просто трахалю или дружбана по интересам, а своего человека, к которому будешь идти в горе и радости, и ему станешь таким же своим человеком. Неужели мужчинам это не надо? Родная, близкая, своя – такая, как будто всю жизнь знал. Неужели все такие там битые жизнью и бабами, что никому не верят и хорошего не ждут? Ира вот верила, Ира ждала.

Но Кирилл так не думал. Все, что интересовало Кирилла, это когда у Иры в последний раз был секс. Ира честно ответила, что два года назад. Кирилл не поверил – мол, из армии столько не ждут, врешь. Ира ответила, что она уже не в том возрасте, чтобы кого-то из армии там ждать, гормоны не играют, работы вагон, дел была куча – не до секса, развод, ЕГЭ у дочери, поэтому и два года незаметно пролетели.

Кирилл предложить поиграть в игру «честные ответы на любые вопросы». Ирин тролль тут приосанился и уселся наизготовку, потеснив Иру и тургеневскую у клавиатуры. «Вопросы? Жги, Кирюха. Будут тебе ответы!» Кирюха не понял, во что он встречается, и снова спросил чего-то там «откровенное» про секс. Тролль когтистой лапой набросал что-то честное, но очень тролльское. И написал, что теперь его очередь задавать вопрос.

– Принесешь ли ты справку о том, что не болеешь ничем таким, что передается половым путем? Времена сейчас такие, что даже у глубоких пенсов ВИЧ находят, – написал Ирин тролль. Тургеневская одобрила – норм вопрос, актуа-

лочка.

Но Кирилл обиделся. Я только в резине, дескать, проверенный вариант. Сколько раз так делал, и ничего. Вон, мой дед, войну прошел, баб имел и до ста лет прожил, и ничего. А я в деда. Так что не, к врачам не пойду, боюсь я их.

– Эх, Кирилл. А знаешь ли ты, что презерватив на сто процентов не защищает от ВИЧа и гепатита С? Что самая лучшая защита – это информированность и честность. То есть сходи проверься, узнай свой статус, а потом через полгода еще раз, ни с кем не блуди, и будет у нас с тобой искрометный секс.

Тургеневская даже захлопала в ладоши от такого поворота. Полгода – вполне себе тургеневский срок. Троль ржал и бил копытами по клавишам. Кирилл как-то сник. Ира продолжала бомбить его разными медицинскими фактами.

– Ты, Кирилл, не бойсь. Вичовые сейчас, если на терапии, могут жить долго и счастливо, могут даже жениться и размножаться и никого не заражать – ни партнера, ни детей. В общем, справка – это в обяз. Я, в свою очередь, тоже тебе такую предоставить обязуюсь, вообще не вопрос.

Тургеневская уже помогала троллю печатать своими тонкими пальчиками. Ира веселилась: «Господи, кто бы знал, ГДЕ я втираю людям за здоровый образ жизни и ответственное сексуальное поведение!!!!»

Но Кирилл взять справку так и не согласился. Ну что ж. Ира уже вдоволь насмеялась, натешила тролля и решила

сворачивать переписки. Но тут пришел Анатолий. Анатолию было 48, и на фото он был не просто одет, а еще и в десантном берете. К берету у Иры был полный пиетет: три ее двоюродных брата служили в ВДВ, один из них погиб в Чечне. Работал Анатолий монтером по фонарям и светофорам. Ну и что, решила Ира, не будем снобами, я сама дочь слесаря-сантехника, хоть уже и ветеранша умственного труда.

Ира попросила во первых строках не писать про секс. Анатолий не писал. Переписка с Анатолием не напоминала игру в одни ворота: Ира спрашивает, а от виз-а-ви вопроса не дождешься. Анатолий спрашивал, из чего Ира сделала вывод, что интерес к ее персоне есть. Анатолий спросил, каких именно отношений ищет Ира на «Каррамбе». Ира написала, что честных, серьезных, хоть и редких. Чтобы были как праздник – встретились, порадовались друг другу и пошли дальше побеждать эту жизнь каждый на своем фронте.

Анатолий спросил, а есть ли у Иры время на такие праздники. Ира ответила, что для хорошего парня время всегда найдется. Анатолий спросил, кто, по ее мнению, является хорошим парнем. Ира ответила, тот, который не имеет темного прошлого и мутного настоящего, не имеет цели отомстить всем женщинам в Ирином лице, который пожалеет, когда попросят, будет называть царевной и гулять позовет, потому что царевна что-то подзаработалась. Анатолий написал: «Пойдем гулять?»

Ира тут прямо-таки онемела, вместе с троллем и тургенев-

ской. Неужели «свой»? Так вот быстро, так вот мимоходом? У Иры сам собой открылся слезливый краник, заплакали все троим – тролль, тургеневская и Ира. Господи, только и надо-то было, чтобы позвали гулять!!!! Пойдем, можно прямо сейчас, написала Ира. Я на дежурстве, ответил Анатолий.

С «дежурства» Анатолий «вышел» на пятый день. За это время они перешли в ватсап, много переписывались и общались голосовыми, звонили друг другу. Анатолий нес, как правило, пургу, но Ире было легко и весело. Мужик, который зимой устанавливает главную городскую елку и развешивает на ней гирлянды – это наверняка «свой» мужик.

Утром Ира садилась за работу, а губы ее продолжали улыбаться вчерашним гэгам Анатолия. Если девушка смеется твоим шуткам, это хороший признак, верно? Но встретаться в реале Анатолий не торопился. Ира начала самоугнобляться на тему, не была ли она в общении душевной, резкой, глупой, странной. «Прочь сомнения, – велел тролль. – Тащи его в реал, там видно будет». «Да, надо на него посмотреть, – поддакнула тургеневская».

Анатолий нехотя согласился на встречу в парке. Парк находился рядом с домом Анатолия (он со смены) и довольно далеко от дома Иры (пофиг, при нашей работе семь верст не крюк).

Когда Ира принеслась быстрее ветра в парк, на скамейке ее ждал... эээ, простите, вы Анатолий? Ира ожидала увидеть пухлого, веселого, улыбчивого десантника примерно одного

с нею призывного возраста.

На скамейке сидел дедуля, сильно 60+, с большим пузцом и горбиком на шее, стриженный под ноль, без бровей, бледнокожий и с характерным старческим запахом. Тот Анатолий в синем берете вполне мог бы оказаться сыном этого дедули.

Дед достал из сумки шоколадку и позвал на скамейку в дальний угол парка. Ира порадовалась тому, что надела джинсы и кроссовки. Дед выглядел совершенно неспортивно. Орать Ира умеет, бегать вроде тоже не разучилась. Дед достал из сумки-барсетки фляжку коньяку и предложил Ире махнуть за знакомство. Ира отказалась. Руки у деда были настолько бледными, что Ире стало казаться, что перед ней сидит не дед, не Анатолий с «Каррамбы», а некая темная сущность, которая неделю морочила Ире голову, непонятно чем зацепила и как потом удерживала ее внимание. Морок, вылезшее inferно. Не демон, чтобы быть по-настоящему опасным, но и не человек. Или очень, очень странный человек.

Совпадение или нет, но за несколько дней до этого Ира проснулась ночью от мысли, что уже почти два года, с той самой размолвки с мужем, она живет без креста. То есть сняла все подаренные мужем и его родственниками украшения, потому что более не может их носить. Ира прямо ночью побежала бы за крестом в церковную лавку. На следующий день Ира купила себе самый скромный, самый маленький крестик на самой тоненькой и короткой цепочке. И сей-

час, сидя на лавке в дальнем углу парка, чувствовала, что без креста все было бы намного хуже.

– Сколько вам лет на самом деле? – спросила Ира.

– Сколько написано, столько и лет.

– Вы, правда, живете с мамой? Как она относится, к тому, что вы приглашаете домой женщин?

– С какой мамой, мама умерла десять лет назад. А это мои друзья, – махнул рукой дед на двух забулдыг, которые сидели вдалеке и не обращали на них внимания. – Гришка и Серега. Думают сейчас: «Давай, крути ее, Толя, на выпивку, на секас». Купишь выпивку Гришке и Сереге?

Плохая шутка, подумала Ира.

«Зачем вы это делаете?» – хотела спросить Ира. Зачем вы морочите женщинам голову, зачем? У Иры было ощущение, что, прикрывшись десантным беретом, дед попросту в него сейчас насрал.

Господи, сколько она читала статей на Дзене, написанных обиженными на женщин с таких сайтов мужчинами. О том, что бабы – пустожорки и динамо, что на фотках – молодые няшки, а в реале – старые страшили, что наглые и тупые рспэшницы, желающие присесть на чью-нибудь шею, и так далее, и тому подобное.

Вот она я, нормальная русская баба со свежим и правдивым (да что там может приукрасить этот фильтр «нежность») фото, не претендующая ни на чью кровную копейку, не наглая и не тупая. Да, больше воробей, нежели жар-пти-

ца. Да, я не готова бежать в койку к первому, кто слово доброе скажет. Да, я не хочу быть при живой жене любовницей, думала Ира.

Ира хотела всего лишь снова испытать давно и прочно забытое ощущение подростковой влюбленности, чтобы было к кому лететь через весь город, чтобы завернуться в теплые объятия, чтобы было с кем пройтись летним вечером, держась за руку. Чтобы было к кому приехать ранним утром в воскресенье, вползти теплой змейкой под одеяло и остаться там на пару часов. Самых радостных часов. Господи, неужели это невозможно уже в ее жизни?

Господи, почему все так – вместо врат рая отверзаешь ты перед Ирой смардный портал в ад? Вместо надежды кладешь в руку кусок навоза. Где обитают нормальные люди мужского пола, Господи, укажи, и Ира будет стучать в те двери, пока не обрящет. Где они, где?

Как и было загадано

Оказывается, изображать счастливую семью не так уж трудно, даже если вы с мужем уже год не разговариваете. Достаточно нарядиться, накрыть стол, сесть перед телевизором и ждать курантов. Но перед курантами всегда обычно говорит президент. Нужно дослушать, чтобы не пропустить сами куранты. А куранты нужно не пропустить, чтобы загадать

желание.

«Сколько их за 45 лет было загадано, и хоть бы одно сбылось», – думала Аня. Но, все-таки, еще попытка. Что еще делать, слушая президента, как не обдумывать желание, которое будет выпито вместе с традиционным бокалом шампанского.

Аня его давно придумала. С мужем они разругались год назад, как раз после Нового года – по совокупности причин, просто повод подходящий подвернулся. Аня подозревала, что муж его сам и создал. Ну что ж, сам создал, сам обиделся, сам не разговаривает, сам отверг все попытки Ани поговорить. Двадцать лет вместе, двое детей. Если бы кто сказал ей, что так бывает, она бы не поверила. Всегда можно повиниться (Аня винулась), договориться (Аня делала попытки), понять, простить. Но не в этот раз.

Поэтому Аня загадала себе человека. Встретить кого-нибудь в новом году. Купила новое красивое белье, сверху платье, и сидела так за праздничным столом, в новых трусах и с камнем в сердце. С мужем всё. Дети подрастут скоро, одной оставаться на старости лет – тягостная перспектива.

Выпили. Поели. Потыкали кнопками. Дети пошуршали конфетами и подарками. Вот и весь праздник. А как будто поминки.

Классно посидели. Нет, что и говорить, жена постаралась,

дочки красавицы, теща молодец. Пёс и тот не попрошайничал. Хороший Новый год – как встретишь, так и проведешь. Через пару дней на работу.

Женя допивал новогодний коньячок, жена сидела рядом красивая и в новых трусах (сам видел в шкафу), дети уже пошуршали подарками и ускакали в свою комнату. Красота.

Кто ж знал, что изображать счастливую семью в Новый год – это ей как высморкаться. А уже давно все улетело в тартарары, просто Женя не знал. Через пару дней придет с работы, а на двери другой замок, жена поменяла. Скажет через дверь: «Уходи, куда хочешь, у нас всё». Скинет с балкона деньги, вещи, документы на его две машины. Да уж, начался новый год – новая жизнь, что называется.

Поначалу думал, что умер. Как, это все, и ничего не будет больше? Кому он нужен? Ушел к родителям, пытался дозвониться, заблокировала. 23 года вместе, хоть бы объяснила, что к чему, в чем виноват. Спустя пару дней узнал, что жена в тот же вечер улетела в Москву – типа, ее срочно повысили и перевели в центральный офис. Враньем все оказалось. И не работа, а мужик. И не повысили, а заочно потом развелась и замуж вышла. И не срочно, а два года у нее с этим мужиком уже все было. А Женя рога носил и не видел.

Жить ему в квартире жена запретила – это не его, не им заработано, а родителями ее куплено. Ну так-то да, не им. Но то, что им заработано было – дача в хорошем месте, гараж рядом с домом в центре города, тоже ему не досталось.

Три машины в семье было – одна ее «тойотка», купили, когда ей стало надо по работе ездить, его грузовик старенький японский, чтобы работать, и десятка его, чтобы так пешком не ходить. Хорошо же жили. «Тойоту», когда его выставила, она продала задешево, так в Москву укатить торопилась. Лучше бы ему предложила, он бы десятку продал, а «тойоту» бы выкупил. Грузовик сыплется, десятка тоже не молодуха. Пара штанов, пара трусов – «богато» выделила, не дала даже берцы забрать, с прошлой работы остались, запчасти всякие из гаража.

«А как дети одни жить будут?» – спросил он, когда она ему спустя месяц фото решения суда о разводе в ватсап скинула. «Не твоя печаль, мама с ними». Ага, не его. Теща была первый друг, царствие небесное. Только старенькая уже. Через полгода ее выкрутасов умерла, даже ковид ни причем. Жене даже не сказали, узнал от родственников.

Девок-то как жалко, Господи. Столько всего навалилось: мать неизвестно где, отцу в доступе отказано, бабушка умерла, живите, как хотите. Вроде большие, а вроде и маленькие совсем – 19 лет, второй курс колледжа. Но он как-то звонил им, спрашивал, чем помочь надо, розетки чинил, с псом гулять приезжал. Пускали его. Пока эта не приехала, а потом и дети общаться перестали. Вернулась ведь через год, не срслось у нее что-то там с московским мужиком. Даже писала ему: все ли у него нормально, а то ей сон плохой, видите ли, приснился. Он чуть не сдох тут, когда она, ничего не объяс-

няя, уехала. Спи дальше – с кем, его уже не интересуется.

Дети по осени, пока еще с ними разговаривать можно было, надоумили: раз у вас с мамой все, давай мы тебя на сайте знакомств регистрируем. Ну, давайте. Женя вообще с телефоном был не очень, трех слов с кнопками этими набрать не мог. Поэтому разным женщинам там ничего не писал, просто фото смотрел. Какая беседа и завяжет, а ей же отвечать надо. Много ли натыкаешь буковок своими шоферскими руками? Иногда позвонит какой-нибудь, поговорят пару минут. Но как-то. Ладно уж.

И вот увидел одну. Наряд какой-то странный, как из кино, или с фотосессии. Юбка длинная красная, снег белый. Женя раз зашел на ее страничку посмотреть, второй, третий. Просто так, картинка необычная, не вот это вот все лучшее сразу: губы, ногти, брови, декольте. А потом видит – она ему «Привет» написала.

Ну, загадала и загадала. Тоже мне, новогодняя магия. Когда оно сбывалось-то вообще? Жила еще где-то подспудно мысль, что с мужем как-то все наладится. Аня сама просила его резко не разрывать, не расходиться, пока старшая дочь ЕГЭ не сдаст – и так у ребенка год сложный, а тут они еще со своими разводом. Муж согласился.

«Может, у тебя есть кто? – спросила у него Аня. – Так ты иди, я цепляться не буду». Муж ответил, что никого нет.

Но тут пандемия, самоизоляция еще эта. И так сложно

жить в одной квартире с человеком, который тебя в упор не видит, знать не хочет. Даже разойтись по разным кроватям нет возможности. Так и спали год, спинами друг к другу и раскатившись по краям дивана. А здесь сиди целыми днями нос к носу, вообще невыносимо.

Три года назад они начали долежку строить. Думали, дочери старшей достанется. Думали еще сдавать сперва, деньги бы появились, Ане не нужно было бы подработки искать. Хорошо же жили, машина была. Достроилась однушка. Ане как бы шиш с нее, сама мужа попросила туда уйти, ну не вмоготу уже жить то как чужие люди, то как две собаки. Дети ведь все видят, стыдно. А вид делать, что все нормально – сил нет. Ушел, машину забрал, родительским гаражом пользуется. Аня сама от всего открестилась: только уходи, видеть тебя не могу. Не возражал, остаться не захотел. Потом, правда, угрожать начал – давай имущество делить. Да Бог с тобой, какое имущество, в родительской квартире жили, у Ани только доля до брака была и после она же осталась. Шкафы делить? Ну, дели. Тогда и машину придется, и долежку делить, и гараж освободи. Но ты-то сам где жить будешь, дурачок? Алименты плати и живи с миром.

Живет вот там теперь уже сколько месяцев. Хоть бы спросил: «Ань, как ты там? Помочь надо чем?» Детей в субботу берет, и на том спасибо. У Ани хотя бы выходной появился. Нет, работает она по-прежнему – работу плюс калымы, без выходных и праздников. Но готовить меньше, гулять не на-

до, уже плюс.

Экзамены как эти сдавали, прости Господи. Одиннадцать месяцев длился учебный год. Трех репетиторов Аня целый год оплачивала, а к бюджетным местам в институте даже не приблизились. Ну вот так оно получилось, никто не виноват. Аня была готова к любому варианту поступления, деньги откладывала. Поэтому, когда подписали договор на платное обучение с институтом, Аня пришла домой и даже поплясала на радостях – как же, закончилась вся эта эпопея с ЕГЭ, ребенок пристроен, а уж Аня-то выучит. Аня переподготовку прошла, на вторую работу устроилась, Аня все может. Это он говорил, что ничего не может – денег больше зарабатывать, с детьми больше времени проводить, с работы приходиться не в десять вечера.

Одного только Аня не может. Сделать так, чтобы ее опять полюбили. И с этим не может, и нет больше никого вокруг.

Аня даже на одном сайте знакомств зарегистрировалась. Просто так, эксперимент. Посмотреть, получится ли из этого что. Вдруг там есть кто-то хороший, а так, конечно, это дно, никакой нет веры таким сайтам. Первый раз Ане предложили стать любовницей. Во второй раз на свидание пришел дедушка лет шестидесяти, хотя на фото был мужчина 40+. Ну, третий раз, он будет самый распоследний, решила Аня. А это вот кто? Вчера заходил, сегодня заходил, два раза. Ничего не пишет. И она сама написала: «Привет».

А дальше просто. Новогодняя магия, наверное. Встрети-

лись почти перед самым Новым годом. Декабрь их походил на какой-то адвент-календарь. Каждый день – словно с кармашком, а в нем как будто маленький подарочек: прогулка по заснеженному парку, латте карамельный, цветочек, с работы встретить и пройти по улице с фонариками. Аня уже и не думала, что ее кто-то за руку подержать может, а тут такое. И главное, кто бы мог подумать – простой водила, шоферюга, и столько романтики. Отмечали вместе. Ничего не загадывали, просто чтобы год был... ну чтобы не одной и не одному его прожить, а там посмотрят.

Аня теперь, когда видит, что двое взрослых людей идут по улице и держатся за руки, всегда думает, что эти ребята точно совсем недавно познакомились. Словно, если руки разнимут, их в разные стороны тут же и разнесет. Люди, которые сто лет живут вместе, они и гулять-то вряд ли ходят. Держитесь за руки. Рука сухая и теплая, и все еще возможно. А если что важное и было потеряно, и эта потеря казалась нам смертью, то все равно она оставила нас живыми, пусть даже с дырой в сердце размером в двадцать лет или в двадцать три года.

Статистика разводов

Кира не знала, какая там в мире и в стране статистика разводов. С некоторых пор она вела свою собственную. Пока выходило примерно 2 к 15, то есть в двух знакомых семьях из пятнадцати все нормально, а в остальных приключилась

какая-то херня по мужской линии. Не исключено, что там неладно было и по женской линии тоже, но Кира знала истории этих семей только с одной стороны, женской. Кира знала о том, что у конфликта и любой сложной истории всегда есть две стороны и две правды. Но к чужому мужу не полезешь с вопросом: «Почему так?», особенно если вы не знакомы.

Херня по мужской линии была разной, прямо скажем, широкий был ассортимент.

У одной Кириной знакомой муж, когда начались между ними терки, сказал: «Я же музыкант, я сразу тебя предупредил, что денег у меня не будет. Ты знала, за кого замуж выходила. Я ничего не обещал».

Другая ее знакомая сказала, что муж набрал кредитов, и их общую единственную квартиру пришлось продать, чтобы рассчитаться с коллекторами.

Еще одна знакомая сказала, что ее муж тоже набрал кредитов и теперь заставляет решить эти его проблемы, продав ее квартиру. О том, что у нее еще двое детей от первого брака, и это вообще-то их «приданое», слушать не желает.

У бывшей коллеги муж ушел из семьи, потому что устал. Вот просто устал, ни баба там, ни поздняя любовь. «От чего ты устал, Вася? Ходить на работу?»

У еще одной близкой знакомой муж много лет вел параллельный слалом – жил на две семьи, причем сын той женщины учился вместе с его сыном, и он изо всех сих решил их подружить. Дети, особенно мальчик «параллельной» жен-

щины, тихо ненавидели друг друга и даже иногда дрались, но он верил, что они поладят. Господи, какое Ты допускаешь буэ. Знакомая узнала об этом, как в кино: случайно увидела сообщение от «той бабы» в брошенном где попало телефоне.

Была у Киры еще одна знакомая, глубоко верующий и воцерковленный человек. Кире стало грустно от того, что ее статистика пока только в пользу разводов. И она решила написать ей. Уж у нее-то, подумала Кира, в семье патриархат, трое детей, душа и скрепность, поэтому все там должно быть нормально. Разводиться Бога убоятся, если что. Спрошу, решила Кира, порадуюсь, что у кого-то все хорошо.

– Что ты имеешь в виду? – спросила скрепная знакомая, когда Кира задала вопрос «Как в семье?» – Ну, дети руки-ноги тут что-то взялись ломать. А так все норм.

– А муж?

– А что муж? Второй год живет отдельно. Перевелся в фирму друга, чтобы зп в серую получать и алиментов платить поменьше. Дети ходят в гости, говорят, что у него там то тетя Лариса, то тетя Света живет.

Порадовалась, называется.

Была у Киры знакомая, которая психолог. Там тоже была херня по мужской линии. Ее муж считал, что она много работает, мало уделяет ему внимания, все ее успехи – так себе достижения. А вот почморить всегда пожалуйста – дети заброшены, хата неубрана, чужие проблемы тебя больше волнуют. То, что за эти чужие проблемы хорошо платят, и они

на эти деньги вообще-то живут, и довольно неплохо, это вопрос несущественный.

Кира спросила у нее: «Почему так?» Она же психолог, уж она-то должна знать, что надо делать с абьюзерами. Она ответила, что у них маленькая дочь, она не хочет, чтобы та росла без отца. А как отец он очень хороший.

Кира спросила у нее «Почему так?» еще и в том смысле, почему сорокалетние мужики ведут себя как малые детишки: играют в «сама виновата», «я в домике», «я устал, я ухожу». И, в общем-то, становятся свободными людьми, что даже завидно. Женщинам век такой воли не видать – это от мужа уйти можно, от собственных детей куда уйдешь.

Знакомая ответила:

– Ты знаешь, я думаю, что дело тут в их послевоенных мамах и папах. Все они жили и родились в то время, когда мужчин сильно не хватало, от того их ценность была слишком высока. Их мамы хотели рожать мальчиков, потому что их старшие сыновья, братья, отцы, мужья погибли на войне. Ценность девочки была невелика. Когда наши свекрови выросли, они тоже хотели рожать мальчиков – ценность мальчика уже была зашита в их подсознании. Ценность мальчика была высока в глазах их мужей – как же, кормилец, продолжатель рода. Родилась девочка? Пусть растет, что ж теперь. Куда-нибудь да пристроим. Поэтому нашим мужьям, когда они были маленькими, родители дули в попку, и, судя по всему, делают это и сейчас. Просто по привычке.

Да уж, Кире это многое объясняло. Ее бывший муж был поздним ребенком, его отец родился еще до войны, мать – сразу после. Отец мужа рано умер, для матери он, как был маленьким мальчиком, так и остался. Даже в глазах Кириных родителей, у которых своих сыновей не было, он оставался идеальным зятем.

И Бог бы с ним, оставайся, все мы дети для своих родителей, думала Кира. Но только не с ней. Если наступают не лучшие для нас времена, будь добр разделить со мной все тяготы и лишения. Если у нас семья, любовь, общий дом и дети, то встань рядом со мной там, где сейчас проходит «линия фронта», а не жди, когда война рассосется сама собой. На Жукова или Рокоссовского Кира и не рассчитывала, но ей был нужен хотя бы политрук Клочков, или Матросов, или Гастелло, или простой сибиряк в тулупе, который Москву отстоял, а не удаленный наблюдатель в штабе. Кира и сама была Клочковым, но «черт побери, почему до сих пор нет подкрепления?» Они должны были стать панфиловцами и отстоять свою Москву, но их расчет погиб, потому что один боец рано сдался.

И Кира еще думала: почему так, в игры про войну, мужество, стойкость в детстве всегда играли и выигрывали мальчики, а по жизни выигрывают девочки? В смысле прокачивают свою жизнестойкость и умение бороться за то, чтобы не было хуже, раз уж лучше не получается, порой до невыносимого уровня? Почему мальчики сдаются, а ее знакомые де-

вочки не сдаются никогда?

Статистика 2 к 15 говорила Кире, что разводы – скорее правило, нежели исключение. Но Кира хотела верить в обратное. Поэтому она смотрела на те две семьи, которые еще держались вместе, и пыталась понять, как у них это до сих пор получается.

Если из двух лошадей, запряженных в одну повозку, одна начинает отлынивать, то у другой рано или поздно портится характер. В Кирином случае так и было. Из этих двоих кто-то один должен в случае чего согласиться стать основной тягловой силой за себя и за того парня. Кира согласилась, но ее хватило только на несколько лет. А вот у этих как раз по-другому.

У Оли были трубный голос, косящий глаз, шаркающая походка, лишний вес и костыль. Оле 35. Она никогда не работала. Ее сын был еще тот неслух, Оля часто всплывала и начинала кричать на него прямо на улице. Догнать не могла, поэтому потрясала костылем. Голос ее при этом звучал так, что хотелось пригнуться и проверить, не начался ли Судный день. С ее сыном Кирина младшая ходила в одну группу детского сада. Семья Оли переехала из Казахстана. Ее муж – обрусевший казах, который окончил местный политех и работал на комбинате ЖБИ. Кира вообще думала, что и зовут его Вася или Петя, а он оказался Жахангир.

Жахангир в Кириных глазах был герой, настоящий сибиряк в тулупе. У Оли случился инсульт вскоре после рожде-

ния сына. Первые три года его воспитывала бабушка, Олина мама. Оле сделали несколько операций, у нее восстановилась речь и подвижность. Жахангир не бросил Олю, хотя вполне бы мог – потому, что он «устал», или потому что Оля перестала быть прежней, потому что с Олей никуда не выйдешь, одну надолго не оставишь, Оля была сама как дитё в некотором смысле и выглядела вообще не секс, прямо скажем. Жахангир пилил свою работу отца и мужа без ропота и сожалений, и Кире казалось, что даже весело. Он устраивал для сына день рождения на лыжной базе. Пока дети катались на «плюшках», а Оля пила чай в беседке, Кира разговорилась с Жахангиром, и он рассказал о том, как в 16 лет переехал в этот город, долго жил без гражданства. Конечно, Кира не могла знать, что там у него на душе. Но она знала, что мужья бросают своих жен и из-за меньших проблем, чем у Оли. Стала вредная, несговорчивая, толстая, состарилась, неинтересная, в койке не огонь – в топку.

В семье Лиды единственная дочь родилась с атрезией пищевода. Лида жила в деревне, на раннем сроке проблем не заподозрили. Ее отправили в город обследоваться на последних месяцах, когда Лида не могла уже таскать свой огромный живот, а могла только держать его на коленях. В городе поставили диагноз «многоводие». Лида родила Светочку, и ее жизнь превратилась в борьбу за спасение: кувез, системы, набрать вес, сделать одну операцию, потом другую, третью, реанимация, реабилитация... Пока Светочке лепили

пищевод, заработали тяжелую астму – Светочка дышала через трахеостому, но выкарабкалась. Класа до шестого она была на надомном обучении – кроме приступов астмы могло с ней случиться и что-то вроде менингококковой инфекции. Но все вылечили, из всего выкарабкались, слава Богу.

Лида долго не могла выйти на работу, шила на дому, ремонтировала и перешивала вещи знакомым. Чтобы Светочка жила поближе к врачам, они перебрались в город и жили на съемной квартире. Шансов купить свое жилье, даже в ипотеку – ноль и даже огромный минус. С Лидой жил Ваня, ее муж и Светочкин отец. Ваня работал грузчиком в супермаркете. Каждый вечер Ваню можно было видеть на районе с полторашкой пива. О том, что Светочка получает пособие по инвалидности, Ване не говорили. Лида делала вид, что это материальная помощь от ее мамы.

Однажды Ваня получил проблемное наследство: после смерти бабушки Ване и его брату должны были отойти квартира, дача и магазин. Брат оказался умнее, и ему отошли квартира и дача. По словам брата, выходило все по-честному: магазин стоил столько же, сколько квартира и дача, так что поделено поровну. Ваня получил сыплющееся здание магазина, расположенное в неудачном месте, с огромным долгом за электричество и пустил туда арендаторшу. Брат посчитал, что он тоже имеет право на доходы от сдачи магазина в аренду, пришел к арендаторше и сказал, что повышает цену. Арендаторша послала всех лесом и съеха-

ла. Больше арендаторов, как и покупателей, не нашлось. Суд присудил Ване выплатить долг энергетикам и пеню – вышло под миллион. Оспаривать долг Ваня, как и прочее наследство, не стал. Из зарплаты грузчика у Вани каждый месяц списывали шесть тысяч, пару тысяч он оставлял себе на пиво и сигареты, восемь отдавал Лиде на жизнь. Хватило бы Ване оставшейся жизни, чтобы выплатить этот миллион, Кира была не уверена. Если бы магазин не удалось спустя несколько лет выгодно продать, возможно, долг перешел бы Светочке по наследству.

Когда Светочка смогла учиться со всеми в классе, Лида вышла на работу – шьет шторы в небольшом ателье на рынке. Кира всегда удивляюсь, какое количество народу заказывает себе новые шторы, но Лида по полгода могла работать без выходных – шить в ателье, брать работу на дом, ездить на замеры в квартиры и коттеджи. Кира была рада, что у Лиды освободились руки и появились деньги. Остатки Ваниной зарплаты так, для порядка – типа принес в дом мамонтенка.

Кире было не совсем понятно, зачем Лиде Ваня, но хотелось верить, что Ваня не только дает ей восемь косарей в месяц, пьет пиво и спит после смены. Что Ваня дает ей еще чувство уверенности, защищенности, чувство семьи и крепкого дома, пусть и в съемной двушке. Спасает от одиночества и дает понять, что Лида любима, а всех их проблемы разрешимы. Кира не могла представить, как ему это удастся, но раз они живут вместе столько лет, значит, так оно и есть.

Что же до самой Кире, то она теперь знала на пару оттенков одиночества больше. Когда ей было двадцать, она думала, что никогда не выйдет замуж, не станет матерью и умрет старой девой. В 25 лет эти мысли не давали спокойно жить и толкали на подвиги – искать, знакомиться, встречаться. И это было глупое одиночество. Как-то вдвоем с подругой они отмечали Пасху на съемной квартире, выпили, Кира расплакалась и сказала, что приняла решение – родить от кого-нибудь для себя. Раз Бог мужа не дает. Но, видать, ее слеза что-то там смазала в механизме небесной канцелярии, и шестеренки повернулись в Кирину сторону – ровно через неделю она познакомилась с будущим мужем, через четыре месяца они залетели, через полгода поженились. Прожили 19 лет.

Сейчас Кира думала, что лучше быть одинокой по-честному, в разводе, и это не так страшно, как в двадцать пять. Сейчас ее одиночество было тихое и серое, а замужем оно было злое. Сейчас быть одной Кире было не так обидно, как жить в браке почти двадцать лет и куковать по вечерам одной, быть на последнем месте после работы, машины и кровных родственников, менять работы с понижением в деньгах и должности, потому что так ей удобнее было воспитывать детей, не рассчитывая на помощь, и совершать трудовые подвиги, которые никто не замечал. Когда Кира с мужем рассталась, ее когнитивный диссонанс «почему я одна, если нас двое» рассосался сам собой. Да, она и теперь прёт всё на себе, как делала это раньше, просто теперь она не ждет под-

крепления.

Кира просто стоит на бруствере, как Ключков, как Родина-мать на Мамаевом кургане, а войне все еще не видно конца и края. Спасибо, Господи, что иногда убавляешь ее громкость. Что там еще за война у нее, спросите вы. Война за все хорошее против всего плохого. Против бедности, против старости, против всего, что отбрасывает назад стремительным домкратом. За то, чтобы детям жилось чуть легче, за то, чтобы увидеть при жизни кусочек рая, чтобы потом было, к чему стремиться. Да вы и сами все знаете, что я рассказываю.

О свободе

Однажды меня как писателя позвали в колонию. В воспитательных целях. Раньше я в таких местах не выступала и что там читать можно, даже не представляла. Ну, и воспитатель из меня еще тот.

Моя младшая дочь с ее двух до семи лет – это мое полное педагогическое фиаско. Все было просто ужасно, а потом как-то наладилось. Ценой развода и прочих психологических потерь. При этом у меня есть старшая дочь, которую я всегда считала своей большой педагогической удачей, а также красный диплом педагога дополнительного образования детей и взрослых. То есть при желании, чисто теоретически, я в колонии даже кружок вести смогу, если позовут.

Когда не знаешь, что делать, нужно быть честным. Не разводиться ля-ля тополя про свою гениальность, а сказать – я пи-

шу всякую хрень и не знаю, почему меня сюда к вам позвали. Поэтому давайте я тут полчаса повыступаю, а потом уйду. Воспитатели ваши себе поставят плюс в плане воспитательных мероприятий, у вас время быстрее пролетит, на тетку хоть посмотрите, я себе там тоже крыжик поставлю, что не слилась, хотя было капец как страшно. Короче, все получают свои бонусы, просто потерпите немного, и все.

И я прочитала им стихотворение про любовь. Про любовь как вид зависимости – человековые наркоманы, где взять чистой, кем снять ломку, и вот эта вся наркоманская лексика. В колонии, где сидят за распространение наркотиков, ага.

Через месяц мне позвонили сотрудники УФСИН и сказали:

– Вы знаете, в той колонии есть звукозаписывающая студия.

Ух ты, подумала я, чтоб я так жил.

– И они на то ваше стихотворение про любовь записали рэп.

О, рэп, подумала я. Я буду почти как Баста. У меня будет целый один свой рэп.

– Они приглашают вас его послушать и, возможно, прочитать вместе с ними.

Упс. С чтением рэпа у меня все очень не очень. Я свои стихи, когда с листа читаю, десять раз запинаюсь, а по памяти вообще не помню. И вот тут-то бы мне и отказаться. Но нет. Поэт, он же милость к падшим призывал. В той колонии

целый актер театра с воли целый театральный кружок ведет, а я что? Людьями пренебрегать вообще нельзя, особенно если они к тебе со всей душой. Рэп написали, а могли сказать: «Дура какая-то пришла, хоть поржали».

Никаких новых стихов про любовь в наркоманской лексике я не написала, а говорить о чем-нибудь придется. Поэтому я решила написать монолог о свободе. Для сидящих людей в колонии, да. О том, что между нами не такая уж большая разница. Все люди на самом деле сидят в клетках, только у каждого она своя.

Уже много лет я не чувствую себя свободным человеком. Причины разные. При этом я не совершала никаких преступлений. Просто устроилась на работу чиновником. Просто родила второго ребенка. Просто устроилась на 25 работ – это, конечно, великое благо, что они есть, но это не про свободу, вообще нет. Трудоголизм – это тоже зависимость.

Свобода – это ветер в волосах, хочу булки ем, хочу – пряники, сдала квартиру – поехала на зиму на Гоа. В Сибири зимой как-то совсем не Гоа. Захотела – пошла купила себе десять платьев, а не детям новые кроссы, заплатила репетиторам, отвела на робототехнику, далее по списку.

Захотела – винишком накидалась, когда душа просит, а не когда вечер пятницы наступит, да и наступит ли, не факт – у меня и суббота рабочий день, и воскресенье, и все праздники в труде проходят. Работать четыре дня в неделю? Знаете же про очередную инициативу властей: работать до 60 и

65 лет, но четыре дня в неделю? Нее! Только восемь, только хардкор! Даешь четырнадцатидневку! Потом полдня на то, чтобы вещи в стиралку закинуть и в магазин сбегать, и хорош – самый замечательный выходной.

После второго декрета я вышла на работу в офис и целых два года изображала там из себя трезвенника. Корпоратив, днюха, шампусик чисто символически? Нет, я же мать, мне же ребенка из садика забирать, а там в правилах четко указано, что нетрезвым родителям детей не выдают. Так-то это заманчивое предложение: накидалась на корпоративе, приезжаешь домой и просто ложишься спать, никаких тебе ужинов, мытых попок перед сном, сказок на ночь, «Валя, не скачи по кровати сестры, иди в свою комнату», Валя в это время в ночной группе отжигает. Красота. Но воспитатели тоже люди и домой после работы хотят, поэтому ночной группы в нашем садике нет.

Садика все время говорят, что у них нет денег, и собирают с родителей то на одно, то на другое. При этом, смотрите, какой бизнес-потенциал: думаю, родители будут хорошо доплачивать за то, чтобы в садике ребенка оставлять еще на выходные и изредка до утра. Пришла такая мать утром, принесла свежие колготки: «– Сколько с меня? – Тысяча рублей». И все довольны. Сдавать на ремонт – это уже никого не мотивирует. Откройте садик в выходные, озолотитесь.

Свобода, это что ведь? Спать до обеда, каникулы когда хочешь, шоппинг до упаду. Ну да, шоппинг. На шоппинг за-

работать надо. Господи, благослови те времена, когда ребенок ходил в садик – рубить капусту женщине-матери было очень просто. Пришла такая красивая в офис, сидишь себе и знаешь, что ребенок спит сейчас или ест, гуляет или портрет матери из пластилина лепит. В 17 часов вылетела такая на помеле через весь город по пробкам, чтобы успеть к шести в садик. Успела – молодец. Не успела – не молодец. Извинилась перед воспитателем, забрала своего ребенка, который остался последним, купила ему шоколадку по дороге домой. Все. Нет больше никаких проблем.

Когда ребенок идет в школу, рубить капусту становится существенно сложнее. Встаешь в шесть утра, кофе попила, что-то там на себя натянула, в семь будишь ребенка, он сопротивляется, вы боретесь, мать побеждает. Дашь ему завтрак, он сопротивляется, вы боретесь, мать побеждает. Дашь ему одежду, он сопротивляется, мать побеждает. Выходите в школу, он сопротивляется... ну вы поняли, так до самого школьного порога.

В первом классе, чтобы вы знали, уроки продолжаются до половины одиннадцатого в первый месяц, потом чуть дольше. Я не знаю, как работают в это время те женщины, которые в офисе. Я вот как чувствовала ушла перед первым классом на фриланс, но тоже ничего хорошего. Отвела в школу, вернулась, только села поработать, как уже снова подъем. Пришли из школы, нужно поговорить за жизнь, сварить обед, накормить. Ребенок сопротивляется, мать снова одер-

живает победу.

Домашки в первом классе как бы нет, но она как бы есть. Домашку сделали, два часа перепирались, сорвали связки, учились писать в прописях. Надо бы погулять. У нас в доме живут пьющие люди, а во дворе ходит целый собачий прайд, поэтому гулять идем вместе. Ребенку стремно, мне скучно. Лавок нет, некуда даже жопу приткнуть, приходится ездить на самокате или роликах. Сложно ездить на самокате, когда у тебя в голове список из двадцати дел, и все срочные. Пришли домой, тут-то бы и поработать, но нет – ужин, какие чудеса, снова сам себя не приготовил. Дома в это время появляется старшая – нужно поговорить за жизнь, выдать денег, еду и чистую одежду. Конечно, этот человек уже требует минимального участия, но все-таки. Нельзя, чтобы человек жил позабыт-позаброшен, нужно поприставать – а что делала сегодня? А мальчик есть? А сейчас ты куда? Обычные материнские вопросы.

Ты думаешь, ну, вот они подрастут, и ты заживешь. Ага, размечталась. В это время случается пандемия, школы переходят на дистант, к ЕГЭ готовиться все сложнее. Ну, и конечно, на бюджет мы не поступаем. Что я делаю? Я устраиваюсь на вторую работу, получаю диплом педагога, иду преподавать детям журналистику в детском центре. Теперь мой день выглядит так.

Шесть утра – подъем, если работы много – подъем в пять. Восемь утра – вылет в школу, работа №1, готовлю занятие

для работы №2. Киндер приходит из школы, домашка. Обед и ужин, сука такая, снова сами себя не хотят готовить. Работа №2, я веду занятия часов до восьми-девяти вечера. Дети, простите, я не под бухлишком, у меня просто язык уже спать лег. Он с шести утра каждый день убеждает и воспитывает. По воскресеньям тоже у нас кружок.

Дети еще пишут свои первые журналистские материалы и скидывают их по ночам в рабочую беседу. Утром встаешь – у тебя в беседе пара-тройка статьишек, в выходные тоже. Ты их не планировал, а они вот они, молодцы какие, понаписали. Всем нужно объяснить, что в их статьях не так. Не так, как правило, там почти все. Объяснять, как надо, приходится долго и не один раз, особенно муторно это делать в переписке. На это уходит много времени. Лучше всего было бы сесть рядом, тыкать ручкой в текст и объяснять на пальцах – метод старьёй, зато доходчиво. Но у нас тут волны удаленки, поэтому, лежа в кровати, хоть утром, хоть вечером, долго пишу им длинные послания в телефоне. На стуле за компом просто уже сидеть не могу.

У меня три года не было нормального отпуска. Нормального, это когда ты куда-то уезжаешь, один без детей, отключаешь телефон и чилишь. Честно говоря, такой отпуск у меня был один раз в жизни. Мне было 25, мы с подружкой стали типа нормально зарабатывать, подвернулась хорошая путевка, и мы поехали на море. Всё, больше этот прекрасный опыт я повторить не смогла.

Если быть точной, три года отпуска не было совсем никакого. И вот он вдруг замаячил. Педагогам положены длинные отпуска, а тут еще отец детей решил с ними съездить в обе российские столицы и так путешествовать целый месяц. Поступок, достойный уважения, я серьезно. Без второго взрослого ему придется непросто. Даже пива выпить после трудного отпускного дня будет не с кем. Я знаю, я проходила.

И вот намечается большой отпуск. Мне стало страшно. Я и в выходные, если они вдруг бывают, не знаю, куда себя приткнуть. Как так, лежу на диване, деньги не зарабатываю, ни хрена не делаю – что-то тут не так. Неестественное состояние, ощущение неправильности происходящего. Ах ты, лодырюга такая. Пойти, что ли, полы по второму кругу помыть? Хоть бы кто заказик какой прислал. Что, никому релиз в пять часов вечера в воскресенье написать не надо? Ой, просрете вы весь свой бизнес с таким отношением к делу... И это мой выходной.

А тут отпуск на полтора месяца. Хорошо, что у меня есть работа №1, но ее как-то чертовски мало, и еще могу писать типа книжки. Все какое-то занятие. Ехать особо некуда и не на что. Или море, или ничего. А на море я как-то снова не заработала. Плохо старалась, видимо. Поэтому я набрала расшифровок, сценариев, ввязалась в один книжный проект. Не потому, что жадная до работы и алчная до денег. Страшно быть бедной, а я, в общем, такая и есть. Руки разжал – кусочек хлеба-то и выпал. Ладно, бы я одна была, но есть еще те,

кого я на этот свет привела, и я за них головой отвечаю.

Свобода – это просто размеры твоей клетки. Размеры тех обязательств, которые ты взял на себя и несешь. Мало обязательств – клетка чуть просторнее, много – бывает, что прямо жмёт, давит на крышечку. У всего есть свой срок. Моим обязательствам сроку еще девять лет, и я подозреваю, что этим дело не закончится – еще один вуз, потом свадьба, ипотеки, внуки. Сама жизнь – она и есть срок, который надо отбыть на Земле нашей, мать ее, душе. И надо еще постараться сильно ее не затрепать, она ведь кому-то потом достанется после нас. В отличном состоянии, хоть и б/у, как пишут на сайтах объявлений.

Как будто всё уже закончилось

В особо трудные минуты я начинаю жить формулами. Не знаешь, как поступить, поступай по алгоритму. Например, формула успешной работы у меня трехчастная: процесс, люди, вознаграждение. То есть должна быть по кайфу сама работа, должны быть приятны люди, с которыми приходится иметь дело, и оплата должна соответствовать моим внутренним ощущениям. Если две части этой формулы западают, с этой работой можно прощаться и не тратить время на стенания: «Ах, не уйти ли мне?» Вы же не будете работать в этом месте только потому, что у вас коллеги – душки?

Если не знаю, как поступить, тут формула такая: буду ли я делать это, несмотря ни на что, или не сделаю этого ни за

какие коврижки? По сути, это развернутая форма вопроса «Да или нет, отвечай быстро!»

Если я не знаю, как я дальше буду жить, то для этого случая я вывела формулу «Живи так, как будто все уже закончилось». По сути, это продолжение всем известной формулы: «Танцуй, как будто никто не видит. Пой, как будто никто не слышит». Там есть еще «Люби, как будто тебя никогда не предавали» – в принципе, не поспоришь, но я не готова с этим согласиться. Каждый человек с возрастом обзаводится опытом, багажом и тараканами, и как-то не верится в то, что ты сможешь усыновить и принять как родных всех его тараканов.

Я бы еще добавила: пиши так, как будто никто никогда не прочитает. Да, и живи так, как будто уже все закончилось. То есть не рвись в счастливое будущее, не оглядывайся в стремное прошлое. Как будто всё уже было – и хорошее, и плохое. Хорошего можно не ждать, а плохого можно не бояться.

Живи сейчас. Как Бог на душу положит. Жить будущим = жить надеждами, зачастую пустыми, на то, что все будет лучше, чем сейчас, надо только постараться. Уж я-то старалась, вы бы видели. Жить прошлым = жить иллюзией, что все было возможно, а я прошлапила. Оба варианта так себе, оба – шелуха. Сколько раз мои усилия ни к чему не приводили, жить лучше так и не становилось. Наоборот, оглядываясь в прошлое, я думаю: «Это вот тогда мне плохо жилось? Оказывается, тогда было весьма и весьма хорошо».

Бег за лучшим будущим вымотал меня. Я могу это сравнить с судорожными движениями утопающего: бить руками по воде изо всех сил, хватать ртом воздух, потому что скоро он может закончиться. И все это не для того, чтобы плыть куда-то, а для того, чтобы просто оставаться на плаву. Да, я плохой пловец. Но я теперь лежу на дне и не думаю о том, что у меня дедлайн, что допустим, к 50 я должна стать большим начальником, зарабатывать столько, чтобы дважды в год отдыхать в Эмиратах или где там отдыхают успешные люди средней руки, продавать бестселлеры и еще раз выйти замуж, ибо быть разведенкой некомильфо, третий сорт. Всё уже закончилось, осталась только жизнь, не трепыхайся. Ты уже утонула, лежи спокойно. Такой вот дзен.